

122

sāsqa ösken qazyñaşty
sāstañ kərip qyjyβ~aļaj!
men kölengen qysçaqty
ēməne kərip körb=aļaj!

123

şynda, synda synmaçaq'
synnañ nēmiš tapy-ba?
men kölengen qysçağaš
meneñ artyq'ty tapy-ba?

124

ālymda turγan aq tajγanyñ
aqaşynda tekper çoq.
men kölengen qysçaq'tyñ
şyrajynda sekpil çoq.

125

köl qaşynda köbürgenni
čibes-tā polzam, ūzb~aļaj;
men kölengen qysçağaşty,
aļbas-tā polzam, kör-čörēj.

126

turna quştuñ ujaşy
uşun saştuñ ortada;
men kölengen qysçağaš
uļuğ aļdyñ ortada.

* * *

qartyğa quştuñ ujaşy
qadyğ qajāñ pāγrynda
men kölengen qysçağaš
qadyğ enēñ qoļunda.

122

На болоте выросшую березку
Подрежу-ка я, да возьму из болота!
На мою любимую девицу
Взгляну-ка я, да войду в ее дом.

123

На хребте, хребте, рябчик,
На хребте корм нашел ли?
Моя любимая девица
Лучше меня (миллого) нашла ли?

124

На деревьях белой тайги,
Стоящей передо мной, снега на ветвях нет.
У моей любимой девицы
Родники на лице нет.

125

На берегу растущий дикий лук
Если и не съем — то сорву!
На мою любимую девицу —
Если и не возьму ее (в жены) — то хоть взгляну.

126

Гнездо птицы-журавля —
Среди далеко протянувшегося [длинного] болота.
Моя любимая девушка
В большом улусе.

* * *

Гнездо ястреба-птицы —
На склоне крепкой скалы.
Моя любимая девица
В руках жестокой матери.

127

synya saıyan puıdajymny
künge köjip parbazyn!
men kölengen qysçayaşty
sajgaq' çabal' çibezin!

128

saxpo qajdyg kölcegeş
tilbizek quşçaq sōmçetqan;
şaxpo qajdyg qusçayaş
mēn könnūme kērcetqan.

129

qumaqqa ösken quba taı
qubarbānçe össün-me!
kēžiden tuıan er-paıa
qunanmānçe össün-me!
sasqa ösken saryg taı
sarıarbānçe össün-me!
kēžeden tuıan er-paıa
sanamānçe çörsün-me!

130

sajrap aqqan sajlyg sug, sajlyg sug,
at keşpes sug pede, sug pede.
el ajmaqta qys polza, qys polza,
pojdañnabas qys pede qys pede.
çer salyjē pir çoqta, pēr çoqta
aqqan sug qajdañ çajalçañ, çajalçañ
tört tujyaqtyg maı çoqta, maı çoqta
çolym qajdañ şyqçāñ, ol şyqçāñ.
el ajmaqta qys çoqta, qys çoqta,
ajmaq qajdañ tanyşçañ, tanyşçañ!

131

tabyıya turbas tağ par ba?
tärynyş qōnbas çon par-ba?
terek turbas tajga par-ba?
pōgün-qōnbas çon par-ba?
plan çortpān tajga par-ba?
pulıal-qōnbas çon par-ba?

127

На хребте посеянная моя пшеница
Пусть на солнце не сгорит!
Моей любимой девицы
Пусть скверная слетня не коснется!

128

Вот какое озерко,
В котором птичка кулик кунается.
Вот это какая девушка,
Которая мне понравилась.

129

На песке выросший бледный тал,
Разве не побледнев вырастет?
От человека рожденный юноша
Разве не печалась проживет?
На болоте выросший желтый тал,
Разве будет расти не желтея?
От человека рожденный юноша
Разве будет жить [ходить] не тоскуя?

130

Мелкая [с галькой] река, с галькой река.
Разве не для перехода коня река, (эта) река?
В поселении чужого народа девица если есть, девица если есть,
Нежеманная девица разве есть, разве есть!
Ската земли когда нет, когда нет,
Текущая река откуда появится-сотворится?
Четырехкопытного коня когда нет, когда нет,
Моя дорога-след откуда появится?
В чужом селении девицы если нет, если нет,
Как это селение узнаешь, как с ним познакомишься!

131

Есть ли тайга, где не рос бы тал?
Есть ли народ, который жил бы, не ссорясь?
Есть ли тайга, в которой не стоял бы тополь?
Есть ли народ, который жил бы, не раздумывая?
Есть ли тайга, в которой не бегал бы, сохатый?
Есть ли народ, который не сбивался бы с пути?

132

kümüş meniñ üstügüm
künge ajğa şalyaj;
kölengen meniñ qyzymğa
kümüş aralap çaş öskej.

* * *

altyn meniñ üstügüm
ajğa күнге çaltırayaj;
alçen meniñ qyzymğa
altyn aralap şaş öskej.

133

pułut pāzy purulçaq,
mēñ saıyızym qarylçaq.
quzuqtañ iştengen qomazum —
çelge tartsam — talarıaj,
meñ çabaldym ünüm —
çerde çatsam — şym pōlyaj.

134

qara tajıanyñ pārynda
qara tūlgūcek çōlu par.
āny-la sūrūp çederge
aşqa-la tutqan at kerek.
kōk tajıanyñ pārynda
saryğ tūlgūcek çōlu par.
āny-la sūrūp çederge
sulāya tutqan at kerek.

135

tagdan aqqan qara suğ,
qançe tōlyat aqçyr-nē.
men çabaldyn saıyzy,
qançe qaryt ösçir-nē!
iki meniñ qulağym
nōnu uqrān çörcür-nē.
iki meniñ qarağym
nōnu körben ösçür-nē!

132

Серебряное мое колечко
При солнце, при месяце пусть сверкает.
У любимой моей девницы,
Серебром переплетаясь, волоса пусть растут.

* * *

Золотое мое колечко
При месяце, солнце пусть блестит.
У девницы, которую я в жены возьму,
Золотом переплетаясь, волоса пусть растут

133

[Голова] направление облака изменчиво,
Разум мой склонен к печали.
Из кедра сделанный мой комыс,
Если на ветру заиграю, — разломается,
У меня несчастной голос,
Если в землю лягу, — утихнет.

134

На склоне черной тайги
Есть дорога черной лисички.
Чтобы ее догнать,
Нужен конь, стоявший на одном хлебе.
На склоне синей горы
Рыжей лисички след,
Чтобы [преследуя] ее догнать —
На овсе стоявший конь нужен.

135

Текущий с горы ручей [черная вода, ключ],
Сколько раз повертывая, течет.
У меня несчастного разум
Сколькими горестями омрачается!
Мои оба уха
Чего только ни наслушаются!
Мои оба глаза
Чего только ни навидятся!

136

saryg̃ saryg̃ saŋalym, saŋalym.
 sarbaj, anče qalajyn, qalajyn!
 aqqan suum sal-była, sal-bəla.
 aq tuŋanym čöp-pile, čöp-pəle.
 saryg̃ kiik palazy palazy
 sug̃ kešpenče čol albas, čol albas.
 aq kiiktiŋ palazy, palazy
 tağ ašpānče čol albas, čol albas.
 kölge öškeŋ qoŋa ot qurułbas, qurułbas.
 men tuŋanym tärnmas, tärnmas.
 tärna quštyn tabyžy, tabyžy.
 sas čerinde uŋula qaldy-ba.
 men čabaldyn saryny, saryny
 qyzajlarda uŋula qaldy-ba.
 qoła qanža qołymda, qołymda
 tere nančig̃ nānymda, nānymda.
 qartyŋaŋ quštyn ujaŋy, ujaŋy
 alty aŋaš āzra, āzra
 men čabaldyn tuŋany, tuŋany
 alty ajmaŋaš āzra, āzra!

137

altyna müngeŋ aq sar'at
 para-para kištedi;
 paŋŋa parŋan qys pała
 čada-čada syqtady.

138

köl ŋažynda kök čäčik
 közənek ālynda polza-čē;
 men kölengen qysčaŋaš
 men čurtumda polza-čē.

139

synda, synda synmačaq
 adyğčy öldün azyŋŋy;
 aq šyrajlyğ qysčaŋaš
 čaqšy öldün alčany.

136

Рыжая, рыжая борода моя,
 Распушив ее, останусь ка-я, останусь-ка я!
 Текущую [мою] воду при помощи плота, плота (переплыву).
 С родственником договариваясь-договариваясь, уговорюсь.
 Дикой козы детеныш, детеныш,
 Пока реки не перебредет — пути не найдет, пути не найдет.
 Олений детеныш, детеныш, пока гору не перейдет, пути не найдет, пути
 не найдет.

На озере выросший камыш-трава не засохнет, не засохнет,
 Мой родной не станет сердиться, не станет сердиться.

Журавля-птицы шум, шум

На болоте [земле] слышен ли был.

Песня, [песня] которую я, несчастный, пел,

У Кызаев слышна ли была?

Медная трубка в моей руке, в моей руке,

Кожанный кисет на моем боку, на моем боку.

У ястреба-птицы гнездо, гнездо

За шестью деревьями, шестью деревьями.

У меня у несчастного родня, родня

За шестью деревушками, шестью деревушками.

137

Светлорыжий конь, на котором верхом еду,

Идя-идя, ржал.

За богача вышедшая замуж девица-ребенок,

Живя-живя, рыдала.

138

Выросший на берегу озера синий цветок —

Если бы он рос перед моим окном!

Любимая мною девица —

Если бы она была в моем поселке!

139

На хребте горы рябчик —

Охотника-юноши добыча;

Белозикая девица

Хорошему юноше жена.

140

po terginiň köp çyltys,
čarytçytqan pir çyltys;
el-be čonda köp qys,
kölengen pir qys.

141

aqqyp parçan apşayaş
čerin sanān qunantyr;
ały čaštyg aq sar'at
tebezin sanap qunantyr

142

arał qaštap men parzam,
ezer ayažyn qajt tappassym;
el-be čonnu ebirzem,
pozumnuq šenimni qajt tappassym.

143

men kessen ayaş
uluğ synnyñ tegejinde;
men kölengen qyşçağas
uluğ tomnyñ qažynda.

144

čayar čaybas nanmürge
kečim alyna paş suqpa;
pärar parbas qysçaqqa
at čepsep parba.

145

čardyq kebē kergemäi,
čar qaštap čöreñ!
čabal kəzä alçamäi,
čalañ postañ čöreñ!

140

На [этом] небе много звезд,
(Ярко) сверкает одна лишь звезда;
В народе много девиц,
Любимая одна лишь девица.

141

Поседевший старик,
О своей земле вспоминая, тоскует.
Шестилетний серый конь,
О пастбище вспоминая, ржет.

142

Если около кустов я пойду,
Дерева для седла как не найду!
Если промеж народа буду ездить-кружить,
Себе равную девицу как не найду!

143

Дерево, которое я срублю, —
На вершине высокого хребта;
Девица, которую я люблю,
На берегу широкой Томи.

144

От едва идущего дождя
Голову под кечим не прячь;
Ради девицы, которая то ли пойдет за тебя, то ли нет,
Лошадь не седлай и не езд.

145

В расколотую лодку чем мне войти,
На берегу пойду-ка я.
Нем жениться мне на плохом человеке,
Лучше одиноким, холостым буду я ходить.

Шорский фольклор.

146

qyrǵa ösken şübeçek
 saǵynnañ qörtuq poldy;
 qān tuǵunda čoq qalyp
 pajlardan qörtuq poldy.
 qyrǵa ösken tigen
 saǵazy pāraq polyan-çı;
 čoq kiženiñ saǵyzy
 ötkün paryan polyan-çı

147

eski čadyǵ ereǵı polyan
 iñ-pe qonǵan qalyqqa;
 eski cadyǵ eñtiǵ polyan
 tōspas qaryn pajlary

148

tajǵa čörčen er čaqsyzy
 añ gōlunǵa kirbeşin;
 menen ösken čaš-pala
 mēñ čolumǵa kirbeşin!

* * *

alton čašqa četare
 aǵnap čördüm tajǵada;
 aǵnap-pāsyyp tajǵa čörüp;
 küñ ojmaşanañ şuxpaǵym.

* * *

emdegi ösken er čaqşyzy
 eski čapsyp čörbeşin,
 čörgen čōlu čalbaq-taq polşun,
 ösken miş tōltara-ken polşun!

149

tajǵa čörčen er pala
 añ gōluna kirbezin,
 mēñ čažaan čažymny
 menen tuǵan körbezin.

146

На хребте выросшая пихточка
 Для ветре боязливой была,
 В царское время бедный народ
 Перед богатыми пугливым был.
 На хребте выросшей ели ветви
 Развесистыми были.
 Бедного человека разум
 Дальновидным был.

147

Старая жизнь мучительна была
 Для трудом живущего народа;
 Старая жизнь удобна была
 Для жадных, ненасытных богачей.

148

По тайге ходящий удалец
 В лапы зверя пусть не попадает,
 Мною рожденное малое дитя
 На мой путь пусть не вступает.

* * *

До шестидесяти лет
 Я промышлял в тайге.
 Охотясь, бродя по тайге,
 От очага [охотничьего стана] не отступал.

* * *

Теперь выросший удалец
 Старого пусть не придерживается!
 Путь, по которому он идет, широкий, протоптанный!
 Кругозор его широкий.

149

В тайге ходящий удалец
 В лапы зверя пусть не попадет;
 Жизнь, подобную моей,
 От меня рожденный пусть не увидит.

enəl çažyp çažadym
kün qarayın körbedim;
eliğ çaştı ert-pardym,
kül ojmazınan şıqpadym.

* * *

emdi ösken er pallary
eski çol-ba parbastar,
pirigiş qonuq çepsep,
nā çaryq çol-ba pararlar.

150

čardıq kebē kirgenčē,
čarlap qaştap čöerge;
pō pajlardy kürgenčē,
komsomolardy köerge.

151

synga ösken qaragaj
syn āžra čylystyğ;
tajga ösken komsomol
čer ebre arıyştığ.

152

anda-şanda sajaq öleñ
töstēn özer polıan-çı;
öşälynan qonıan galyq
pirigiş qonyq tutqan-çı.
kün şuzu četpes quzam čerde
čäčik čajlyp ösken-çı
pistiñ čerde pilbēn neme
traktor küzərep turıan-çı.

153

tom qažynda kün küzezi
adañma čarān parıan-çı;
promyšlenost' šor tajyazynda
öleñ-čälep ösčytqan-çı.

В муках жизнь я прожила,
Светлого дня не видала;
Пятьдесят лет я прожила,
От печла очага не отступала.

* * *

Теперь растущая молодежь
Прежним путем не пойдет;
Колхозную жизнь создав,
Новым, светлым путем пойдет.

150

В расколовшуюся лодку чем войти,
Лучше по крутому яру — берегом итти.
Чем на этих богачей смотреть,
Лучше на комсомольцев смотреть.

151

Сосна, на горном хребте выросшая,
Корнями оба склона горы оплетает;
Комсомол, в тайге выросший,
Друзей на земле всюду ищет.

152

Там и сям редко росшая трава
Теперь густо поросла;
Разрозненно живущий народ,
Смолотившись, новую жизнь утвердил.
В сумрачной земле, для лучей солнца недоступной,
Цветы распустились и зацвели;
В нашей земле невиданный прежде
Трактор (ныне), громыхая, стучит.

153

На берегу Томи огоньки-цветы
Пышно распустились;
Промышленность в шорской тайге
Как трава вырастает.

şor taylary — pijik taylar —
adaňma keen körünzin;
partija-ba sovetter çöbünge
adaňma qalyq çöpsünzin!

154

çažär turýan taylary
çažyň çeltrek ölen çajyldy;
čaryq körbän tum qara tajyabysqa
čaryq cadyg kir-keldi.

155

aq qarda čakijek öspes
aýyn suglar teskere aqpas;
pistiň čeribiste
pajlar qamnar paza polbas!

156

erelen čatqan qalyq čoq!
tospas qaryn pajlar čoq!
qat pilbes qalyq pistiň čoq!
paj yrystyg kolxos pistiň par!

157

kögerip turýan tajyada
quzuq aýaş sölarpča,
kөн parýan čazyda
kögerip ösken kök čačik çajylča
pistiň kolxozybys pajlar čurtap
ürgünüštüg saryn sarnarpča.

Шорские горы — высокие горы!
Как они бесконечны и прекрасны!
Партии и советскому строю
Как сильно предан народ!

154

На зеленеющих горах
Многоцветные травы зацвели;
В глухую, сумрачную тайгу нашу
Светлая жизнь пришла.

155

На белом снегу цветам не цвести,
Быстрым рекам вспять не течь!
В нашей земле
Богачам и шаманам больше не быть!

156

Угнетенного народа (теперь) нет!
Невсытных богачей (теперь) нет!
Неграмотного народа у нас нет!
Богатый, счастливый колхоз у нас есть!

157

В синеющих тайгах
Дерево кедр шумит,
В широко раскинувшейся степи,
Синея, цветы цветут;
Колхозы наши, богатея,
Радостные песни поют.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты 1—3

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

tasqyl — скалистая, высокая гора, голец, горы, покрытые снегом [Вербицкий, Словарь, 338: гора (островерхая), сопка].
tūs — букв. прямой, ровный.

Текст 4

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирги)

Тексты 5—6

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 7

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Текст 8

(Записан от молодого шорского поэта Ф. С. Чисникова; улус Кузеево)

Текст 9

(Род Шор, р. Шалым, верховье р. Кондомы)

Стр. 8. qartyya pergen — имя богатыря; qartyya — ястреб, pergen — искусный стрелок. См. Катанов, Алф. указ., стр. 17, 22, 53, 54.
puryunyu || purunyu. Ср. ниже: poltyr || poltur, çonnyq || çonnyq, suğduq || suğduq quştyn || quştun, pony || ponu, qolyn || qolun, tūsti || tūsti.
Для кондомского диалекта характерна ослабленная губная гармония гласных, для мрасского же (низовье р. Мрассу), положенного в основу литературного языка, — более устойчивая (в отношении узких гласных). См., напр., героические поэмы «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» и «Ал Кан».

albatyğ (чаще albatqy) — платящий дань, подданный, от alban — alman — дань. Забыв настоящее значение этого термина, некоторые сказители пытаются увязать его с abalatqy — репейник и толкуют следующим образом: как репейник зацепляет все кругом и притягивает к себе, так и народ, который в поэме называется albatqy (от abalatqy), группируется вокруг хана и его дворца. Об албане, который платил шорцы, см., напр., Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири, стр. 88—90, 96; Раттер, Дополнения, стр. 486; Вербицкий, Зап. за 1865 г., стр. 74 и др.

çonnyq ražyn pilgen — букв. знающий головы своего народа, т. е. управляющий народом. Глагол bil в значении управлять, править встречается уже в орхонских надписях и уйгурских текстах. См. С. Е. Малов, Словарь уйгурского языка, стр. 268.

poju ~ roju соответствует рози в диалекте шорцев р. Мрассу. См. ниже: kij вм. kes, qoJan вм. qoJan и т. д; (z || j, s || j).

öre turγan qudaj — вверху стоящий, вверху живущий, эпитет небесного духа. Ср. Катанов, Алф. указ., стр. 42, эпитеты üstüğü çatqan, çoγar turγan. qajdyp и qajdı. Ср. мрасское qajde.

perbençir ~ perbençer. Ср. нижне-мрасское perbença и верхне-мрасское perbençar и perbençe.

kütken mał имеет также значение: нажитый, приобретенный скот. mingen, мрасск. münge.

ayγun, мрасск. majun.

aγdy, мрасск. aγny (винит. пад.) См. дальше: qandy || qanny, aγymdy || aγymny (nd || n, nd || n, md || m).

üj, мрасск. em, верхне-мрасск. öm.

Стр. 10. çetre || çet-tir-e.

pedre, мрасск. tile, tum.-çiq || tunçiq.

peri, мрасск. pere. См. ниже: aγ || ara, taşqary || taşqara, kederi || kedere;

(i || e). qara mökö — букв. черный герой, силач, боец, имя богатыря.

üş toγuzon tegri — три по девятисто небес.

Представление о множественности небес или небесных слоев заимствовано, вероятно, из шаманской космогонии.

Стр. 12. aγymdy adap per (md || m) — имя мое, назвав, дай.

Необходимость дать богатырю во всеуслышание определенное имя перед тем, как он приступит к совершению своих богатырских подвигов, связана с представлением о роли и значении имени в первобытном обществе.

ene, мрасск. iče.

ič || iš (č || š).

aγuqqaп — букв. то слышавший.

Стр. 14. aj qulyš — букв. месяц меч, имя богатыря.

Стр. 16. çuylyγan || çuylyan. Ср. ниже: šüñil || šüñil.

Стр. 18. aqqaп talaγu aq ajγan-ma uγulyan poltur — образ обилия молока, характерен для развитого скотоводства.

kün-çiler, aj-cılar, мрасск. aj-çiler.

Стр. 22. soġ merikteñ ĵaĵaĵan — чудесное рождение богатыря; altyn merik — букв. золотая ступня (ладонь), имя богатыря (Вербичий, Словарь, 202: merik — раковина под копытом).

Стр. 24. tükürbüstü, altyn som ĵaĵaĵdu — любопытное анимистическое представление: из слюны богатыря создается его образ (изображение), его двойник.

Как в этой записи, так и в ниже помещенных записях героических поэм не отмечено озвончение согласных при сочетании нескольких слов типа eĵig-aĵur (eĵik aĵur), tereg-aĵaĵu (terek aĵaĵu), tuĥ-aĵan (tur aĵan), purun ĥurun ĥoltur (purun purun poltur), qara-quġ (qara-quġ). İgi-bilegi (İgi pilegi), taj-a-ĵeni (taj-a-ġeni).

Текст 10

(Род Таяш, р. Кондома, ул. Осипники)

Стр. 24. «qamuyġ-ra suġ pölgen temde» — сказители часто переводят эту строку следующим образом: «В то время, когда камышом вода разделялась» (qamuyġ — камыш, тростник). Но по аналогии с предыдущей строкой: «qalaq-ra taġ pölgen — когда мешалкой гора делилась» можно думать, что более правильным будет следующий перевод: «В то время, когда ковшом делилась вода».

В пользу нашего предположения говорят и зачины других записанных нами героических поэм, где на месте старого слова qamuyġ стоит susqu (susquġ), современное название для ковша:

amduyynun aĵynda,
purunuyynun sonda,
susqu-ba suġ pöler tuġta,
qalaq-ra taġ pöler tuġta,
ĵer ĵaryġp ölen özer temde,
aĵaġ ĵaryġp pür šyġar tuġta,
toptaj kelip taġ özer temde,
toĵaj kelip suġ aĵar tuġta,
altyn qyġyġ aq sar'attyġ,
altyn ĵaġtaġ ertpes,
altyn ergek poĵan poltur,
qyġyġ parar tynu ĵoq,
qyġar aĵar qany ĵoq,
altyn ĵaġtaġ ertpes,
altyn ergek poĵan poltur.

Настоящего раньше,
Прежнего позже,

В то время, как ковшом делилась вода,
В то время, как лопаткой делилась гора,
В то время, как раскалывалась земля и появлялась трава,
В то время, как расщеплялись деревья и показывались листья,
В то время, когда, нагромождаясь, вырастали горы,
В то время, когда, разливаясь, текли воды,
Имеющий бело-рыжего коня с шестью волосками,
Еще шести лет не проживший,
Алтын-Ергек жил-был.
У Алтын-Ергека нет души, которая могла бы быть обрезана,
Нет крови, которая могла бы краснее течь,
Шести лет не мпновавший,
Алтын-Ергек жил-был.

qazan qamuyġ и qazan qabyġ — вся посуда (ложки, чашки, казан и т. д.). См. Вербичий, Словарь, 114.

aq taĵaj aqan — белое море текло. «Текущее» — обычный эпитет моря в героических поэмах. Море течет и, как река, имеет вершину и устье.

Стр. 26. altyn azaqtyġ — имеющий шесть ног.

azyġan abazyn pilbedi, tuġur emisken enezin pilbedi — герой не знает ни отца, ни матери. Этим, повидному, подчеркивается неестественное, чудесное рождение богатыря.

uĵur kelgen — прилетев пришла. Героини эпоса часто имеют одежду с крыльями, напр. платье у Altyn Arġa — с орлиными крыльями. Надев крылатое платье, она вылетает из юрты и, своими крыльями рассекая воздух, поднимает сильный вихрь, ломающий деревья в лесу и срывающий крыши домов (койбалы); у младшей дочери богатыря Kattai qan'a одежда с лебедиными крыльями (Катанов, Алф. указ. ко второму тому, стр. 17, 46, 82).

ĵaĵa paġqa tartynarġa
ĵapsyq martqa tabar kerek;
qoġtuq töġke tartynarġa
qoġs martqa tabar kerek —

такими словами иносказательно выражается намерение богатыря отправиться искать себе невесту.

Стр. 28. aq qan — букв. белый хан, имя богатыря.

ala ĵaġa — пестрая чаша. Пестрая чаша встречается также часто и в монгольском эпосе (Владимирцов. Монголо-ойратский эпос, стр. 14).

ajġan — питье из кислого молока.

raqtaġ aĵu... ср. «raq arġu soqtuġ-ma — далеко ли росу (ногами) сбивал», и «raq ajġan soqtuġ-ma — далеко ли айран сбивал». Все эти выражения имеют значение вопроса 'откуда богатырь приехал', издалека ли едет и далеко ли направляется?

kijik ~ kijk ~ kiik — козуля (*Capreolus pugargus* Pall.), наиболее распространенный в горной Шории представитель семейства оленей. Приемы охоты на козулю были различны: охотились на солонцах, гоном, путем подманивания при помощи особой берестяной свистульки 'ediski' (весной), загородами. Коллективно устраивали загороди на правом берегу р. Мрассу на местах перехода козуль, когда они осенью перекочевывают в менее снежные районы верхнего Абакана. В проходах перегорода, поставленных перпендикулярно к загородам, ставили петли, в которых и застревали бегущие козули, спасающиеся от пуль охотников. Загороди (без петель) устраивались меньшими коллективами охотников и даже одиночками. Шорцы, в частности сказители, переводят kijik — дикая коза.

qyzyl kijik tuštaza,
kečige qyzyr adarça;
qys pałazy tuštaza
söske qyzyr alarça —

обычное выражение, указывающее, что герой приехал сватать девушку.

Стр. 30. togsuq — мех для жидкости, сшитый из кожи, святой с ног животного.

qarbalašša ~ qarbalašša (šš || šš).

ijgi pašty pirge qožu — имеет значение: поженени.

alыр qolunça poжу kirdi — сам в руки богатыря вошел; с богатырем сражаться стал.

ačyуу kelip || ačyуу.

Стр. 32. altyn čüstük edip — превратив, сделав золотым перстнем. В эпосе герой обычно увозит невесту, превратив ее в какой-либо маленький предмет, серьгу, перстень, пуговицу и т. п.

qaппа (qaпaj) — лыжи, не подшитые шкурой, на таких лыжах ходят по насту, чтобы не содрать мех.

čekse ~ jekse — иметь позыв на необыкновенную пищу (Верб., Слов., 87).

qačyğlyğ ton kijgenneri
qaппа-ba čyуyldy;
torчу ton kijgenneri
tör at-pa čyуyldy —

яркое выражение имущественного неравенства и назревших классовых противоречий в развитом скотоводческом обществе.

tösqa sałыany — положенное на бересту вареное мясо. Во время свадьбы, так же как и во время жертвоприношения, сваренное мясо вынималось из котла и складывалось на полосы бересты.

qazança sałыany qaуулур, ср. qazan qaуулур jadyr (аб.) — котел опро-
стали (все съели).

Стр. 34. qyуyл paгar тynпary čoq — чтобы отрезать, душ у них нет. Представление о том, что при смерти душа человека обрывается, рвется, отмечено у всех алтайских тюрков (см. Анохин, Материалы, стр. 20). По

рассказам шаманов душа представлялась соединенной особой нитью с тем божеством, которое ее создало. Обрывание этой нити означало смерть человека. Ср. у Вербицкого (Словарь, 311): «арыг тыны ак jібек полун кун-чүлөп сусталып тігірге сыгара тартынтыр — чистая душа (богатыря) сияла как солнце и в виде белой нитки тянулась к небу.

čon, qalyq čon — народ; см. прим. к № 86: čon — волюсь.

qat qıяуу — см. прим. к № 89.

paгaq paštyğ paј sadaq — с широкой верхушкой богатый колчан.

sadaq — колчан со всеми принадлежностями. См. у Радлова, IV, 383:

Садак (Kir) — лук со всеми принадлежностями; (Tel Alt) — лук и футляр для лука; Sag, Koib, Ktsch — колчан. Сказители часто переводят sadaq как пояс, напр. выражение «kök pörüktüg, tös sadaqtıyğ połtur — юноша был имеющим синюю шапку и берестяной колчан», сказители переводят: «юноша был имеющим синюю шапку и берестяной кушак» (стр. 64). Интересно, что у тувинцев sadak понимается как охотничий пояс со всеми принадлежностями для ружья [перенесение названия с одного предмета на другой по функциональной значимости: колчан (для стрел и лука) — охотничий пояс с охотничьими принадлежностями для ружья].

Стр. 36. čardyq aj sałыan, čardyq kün sałыan čer — земля, освещенная половинчатым солнцем и половинчатой луной, т. е. подземный мир. Подземный мир в общем подобен земному, только он освещается половинчатыми светилами (ср. тексты 98, 100, 108).

qara tałaj aqqan čer połtur — в подземном мире протекает черное море, море мертвых (ср. тексты 98, 101).

pilbenčarym ~ pilbenčadym. Ср. мрасское pilbenča ~ pilbenče.

töbertin — снизу.

Стр. 40. čazyğ ~ čazag.

asqan tosqan — букв. блуждающий, сбившийся с пути.

ajрану qoјutqan — айран стужился; должно обозначать, что богатырь сильно огорчился и рассердился (ср. ajрану qıgırça — зло меня берет). Ср. на стр. 205 ajрану qıgıdu — я сильно рассердился.

Стр. 42. qu-qys — букв. девица лебедь. Иногда в сказках имеет то же значение, что и qu-qat — ведьма (Вербицкий, Словарь, 148; Катанов, Образцы, 248).

Стр. 44. qyуyл іг — букв. красный вечер, т. е. время перед закатом солнца, когда краснеет заря.

pilbenčadybys ~ pilbenčabyys.

pirezi ölčeni čoq, pirezi qałčeni čoq — букв. ни один из них не умирал, ни один в (живых) не оставался. Ср. ниже: pirezi ölür, pirezi qałar čoq.

sałыun ojnar kirdi 'поднялся ветер'; ср. Вербицкий, Словарь: куйун ойнар jadyr 'поднялся вихрь' (стр. 217).

Стр. 46. paзынагча azaq perbedi, tudunaгча qoł perbedi — букв. ступать — ноги не дал, хватать — руки не дал.

Стр. 48. sa-saldy ~ sał-saldy ~ sałыр sałdy.

pijik, мрасск. mōzūk.

tüktüg čirek — косматое сердце, в значении бесстрашного сердца.

arun an saγuγun

taradur turaylar — букв. утомленные мысли рассеивали, распускали, разбрасывали, расточали.

Стр. 56. üzülbis tynun üze šarty — нервующую душу его он оборвал (см. прим. 45).

pilčarzun ~ pilča.

Стр. 58. polbānčebis ~ polbānčabys. Ср. polčeq ~ polča, ajteq ~ ajtča.

Стр. 60. kelgeneri ~ kelgenneri.

Стр. 62. perbesketin ~ perbeske ettin.

parčarys ~ parčarybys ~ parčabys.

šebeldej — имя сверхъестественных существ, обычно женщины.

Текст 11

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 72. tajču ~ tajču — имя богатыря. О слове tajču см. Владимирцов, Общественный строй монголов, 1934, стр. 96.

čatča → čadur-čat; turča → turur-čat.

kök purba — синее кольцо, имя богатыря.

kök qan — синий хан.

Стр. 76. čaγanar quš — летучая мышь-птица. Летучая мышь в эпосе часто называется птицей.

širge ~ širke ~ šerke (ср. šire) — престол хана, место во дворце, где лежит или сидит хан, синоним постели хана («širke-kūrabat»).

quγuq qatraš — сорок складок, сорок комнат. Комнаты дворца называются складками. Вероятно, этот образ основан на складках обложки шатра.

müsteq puγpaq iγi paγču — букв. легче рога двумя друзьями стали.

oqtar — стрелы. В настоящее время термин oq имеет значение пули: перенесение названия по функциональной значимости со стрелы на пулю; обычное название для стрелы — soγan. В сказках и шаманских заклинаниях сохранился старый термин.

Стр. 78. aγar-oq-um ~ aγar-oq-pum (pum).

Бурхан — ruγqan, roγhan — идол, изображение Будды.

uγuγ aγaš uγur ašča,

uγuγ küčün östör ašča —

Великое дерево падает,

Великий богатырь со стоном погибает.

Обычный образ в героическом эпосе, отражает широко распространенное представление о связи жизни героя с деревом. Ср. в поэме Көк Кая: «Из костей богатыря выросла великая гора, из плеча богатыря выросло великое дерево».

Стр. 80. quš qurt — птица-червяк. Это выражение имеет обычно значение: насекомые, все живые существа на земле (вплоть до мельчайших насекомых).

Сказка Алтын Тайджи не имеет обычной концовки, потому что сказитель передал ее не полностью.

Текст 12

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 80. qan mergen — хан меткий стрелок, имя богатыря.

qan argo (aryg) — хан чистая, светлая, имя богатыря, жен и невест ханов.

Стр. 84. altyn qalqa (qalqu) közönek — золотое окно, дверь; понимается сказителями как окно в особой золотой раме. Смысл этого слова утрачен. См. Радлов, I, 250: qalqa — дверцы хлева, калитка, дверь в сказках.

čon — народ, волюсть (административное деление).

azγta pudun altar kelip — букв. раздвоенными ногами не перешагивал.

čonnuq uγunda — букв. в конце народа.

aqsu tilin aγuš — букв. рот-язык друг у друга бер.

Стр. 88. kümüš qan — серебряный хан, имя хана.

Стр. 90. quγuγ edi quγquγa paγur — букв. красное тело (мясо) завизжав.

čajanuq mōzūk polzun — это выражение одними сказителями переводится: творец твой высоко (высоким) пусть будет; (čaja — творить, čajaš, čajan — творец; ср. čaγus čajan čaγumdy seγ-me pirge qoγur saldu u seni čajaγan čajašun čaγun uzaq etsin). У шорцев существовало следующее представление: чем выше на небесах живет, чем отдаленнее от земли дух-творец, сотворивший героя, тем славнее и знаменитее дела и подвиги этого героя. Таким образом это выражение означало пожелание герою счастливой и славной судьбы. Другие сказители переводили это выражение: «пусть гроб твой высокий будет» и понимали как пожелание герою славной, героической смерти или «да будет твой гроб далек (высок) от тебя», т. е. — да будет жизнь твоя долгой, да проживешь ты долго; (čajan — гроб). И, наконец, некоторые сказители это выражение переводят: «да будет рост твой высокий» и толкуют как пожелание герою могущества и силы. Ср. Вербицкий, Словарь, 68: jajan, jajaan — гроб, природа, создание, рост, телосложение; jaiянын пōзүк ползун — да будет рост твой возвышен; Катанов, Образцы, IX, 222: Очазын узак ползын, чајанын мұзүк ползын — возраст твой да будет долгим, природа твоя да будет высокой.

Стр. 92. qara mükü — черный храбрец, силач.

Стр. 96. abaγnuq paγun ajtsaγ! eneγniγ paγun ajtsaγ! — скажи (про) голову твоего отца, (про) грудь твоей матери, — ругательное выражение. Ср. К. О. Голстунский, Монголо-ойратские законы 1640 г., СПб., 1880:

«Кто какого-нибудь человека, едущего пристойно, будет бранить, произнося „голова отца и матери“ и подшучивать над ним, говоря „такой саякой“, с того взять лошадей» (стр. 40).

Стр. 96. *toɣuzon ɣazanɣu* (uspaɣu). Ср. в легенде об утесе Ак-гая, приводимой Вербицким: «богатырь ковал раскаленное железо одними своими руками, употребляя пальцы вместо щипцов, а кулак вместо молота» (Зап. мисс. за 1874 г. Томские губ. вед., 1875, № 17).

Стр. 99. Из их спины ремень... выдирали; ср. «...ясачного татарина Чеоктона поймав, у живого глаза велел выколоть, и ремня из спины вырезали, и повесили на дерево» (речь идет о жестокостях князя Бай-горока, посланного джунгарским ханом за сбором алмана в 1710 г.). Памятники Сибирской истории, кн. II, стр. 310.

Стр. 100. *tabanyn ɕalɣarɕalar* — букв. лизали подошвы, в эносе вместо *sɣbarɕalar* — гладить.

Стр. 102. *ala ɕaɣnuɣ* — нестрая вышитая одежда. Понимается как «кое-какая одежда», как одежда, в которой хан-герой спит или возлежит у себя во дворце, как шелковая нарядная одежда и как алая шелковая одежда. Ср. Вербицкий, Словарь, 199; *мандык* — вышитая одежда, канфа.

Стр. 106. *tulɣu mɪstɪg̃ er* — в значении: хитрый, коварный богатырь; ср. стр. 234: *tulɣu mɪstɪg̃* — богатырь, имеющий рога, в значении: крепколюбый, с особой силой богатырь.

ajɣanpa suɣ qoɣulɣu — букв. в айран вода прибавилась. Ср. *ajɣanp qoɣuɣu* (стр. 40).

Стр. 108. *parɣysabys ~ parɣyɕysabys*.

qolu kōzegir — рука онемела, стала как камень, ср. *kōze* — каменный столб, надмогильная плита (Вербицкий, Словарь, 181).

qaru — часть руки от плеча до локтя.

Стр. 110. *pütken aɣazu*... — едет землю, на которой созданное дерево — выросший черный шиповник, созданная трава — растущая осока, т. е. из всех деревьев растет лишь черный шиповник, из всех трав осока одна выросла.

odu qujaq — острая, режущая трава.

toɣus köstüg syrluɣ oq šeni syrlap kelip — свистя, как девятиглазая окрашенная стрела. Свистящие стрелы известны были, согласно китайским летописям, у древнего населения Алтая. В могильниках Алтая находили наконечники подобных стрел. («Все наконечники стрел имеют тонкие черенки, вставляющиеся в древко; при некоторых из них встречаются полые костяные шарики с прорезями, издающие при полете стрелы свистящий звук». С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудурга на Алтае. Материалы по этнографии Г. Р. музея, 1927, т. III, вып. 2, стр. 45). Шорцы встарину употребляли свистящие стрелы при охоте на зверя. Роговой наконечник подобных стрел окрашивался в красный цвет (*syrluɣ oq*) и имел три или иногда девять отверстий (*üš köstüg oq, toɣus-köstüg oq*). При полете такая стрела производила особый свист

(*syɣurtquɕ oq* — свистящая стрела). В. В. Радлов такого типа стрелу видел у бачатских телеутов. «Между древком и наконечником одной стрелы был укреплен полый роговой шарик с несколькими отверстиями» (Aus Sibirien, т. I, стр. 336). Окрашенные стрелы известны были и абаканским тюркам. Ср. Вербицкий, Словарь, стр. 151: сыр *jobonny kurɣugunnaɣ kaan aɕyɕ* — вынул из колчана крашеную стрелу. См. также: *сырлап etken сыр жебе керекпе* — не угодно ли вам разукрашенной стрелы (в значении угрозы), Вербицкий, Словарь, стр. 321.

Стр. 112. *poɣadyɕqan ~ poɣadyɕysqan*.

qara qyɣuɕ — черный меч.

ortqam — позвоночный столб, хребет.

Стр. 122. *qara saɣun* — черный ветер.

oɕken tügü teskere poltur — выросшая шерсть обратной была; *teskere tüktüg* — шерсть обратную имеющий (конь). Ср. Катанов, Образцы, стр. 218: «*teskür tüktüg* — (конь) имеет обратную шерсть».

Стр. 124. *tüben* — в прошлом множество, десять тысяч (*tüben ~ tümen* — десять тысяч, очень много, отряд в десять тысяч человек, округ, область, которая может поставить десять тысяч воинов, Радлов, III, стр. 1103). Ср. монгольское *tümen* и русское «тыма». В настоящее время смысл этого слова утерян, и сказители толкуют его или как «заповедный, тайный, скрытый, никому не сказанный», или, реже как «великое множество». *altın tüben*, букв. шестьдесят по десять тысяч.

tartynmaldy ~ tartynur aldy; (*ynür || nɣ || non*).

Стр. 126. *küler* — сказители переводят как медный и как чугунный; ср. *qara küler* — чугуны (*soɣun*).

Стр. 128. *sögün tudar* — букв. кости держать; (хоронить — *sögün ɕuɣar*).

qalaq qoqquɣ — возглас огорчения.

altyn oq — золотая пуля (→ стрела).

Стр. 132. *ɕer altynan ɕyqqan üš qaraqɣyɕ qara soɣan, künü ɕaryqtaɣ kelgen toɣus köstüg oq* — из-под земли вышедшая трехглазая стрела, из солнечного мира пришедшая девятиглазая пуля. Обычно, когда в эносе говорится о выстреле в солнечном мире, то подразумевается пуля, когда о выстреле в подземном мире — то стрела. Орудия, вышедшие из употребления, переживают в фольклоре: стрела, которую сменила пуля, продолжает существовать в подземном мире.

Стр. 134. *ɕegen tübü tartyɣyɕty* — букв. дно чегеня растянулось, зашевелилось, стянулось;

Стр. 136. *cederge ~ ɕatrym ~ ɕederge et cattyrym*.

Стр. 138. *ijgi qaraqy paɣyna patpān qaldy* — два глаза на голове не уместились.

Стр. 150. *taɣa ɕörzen, tajaɣuɣ polaj, suɣa ɕörzen, ɕölegin polaj' idibissen, ɕiktaɣu idin polaj*... Обычная формула сватовства у шорцев. Ср. совершенно тождественное обращение жениха или сватов к родственникам невесты у абаканских тюрков (Катанов, Образцы, IX, стр. 260) и у алтайцев

(Никифоров. Аносский сборник, Зап. Зап.-сиб. отд. РГО, т. XXXVII, 1915, стр. 24).

šajun mergen synu saju synšan... возможный перевод: «Шайгын Мergen — а стан его не ломался и глаза его не мигали, (вдруг) чистая душа его ушла, и он умер». См. также стр. 222.

Стр. 154. kōrne — свадебный подарок; ср. syj — подарок вообще.

Текст 13

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Анколь)

Стр. 154. aq öleñ — белая трава, имя богатыря.

qur öleñ — серая трава, имя богатыря.

qujuyluq — чудесная птица (см. примечание к тексту № 52).

quyluğ ~ quyluğ.

Текст Ак öleñ и Кыр öleñ приводится как образец пересказа героической поэмы. Полный текст этой героической поэмы-сказки войдет во II том настоящего издания.

Текст 14

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Стр. 158. aq qān — белый хан.

rijel — маленькая чашечка для вина и чаю. Возможно туркестанская чаша.

Стр. 162. qudat — Китай, китайские, в настоящее время означает: «изящные, искусно сделанные». См. у Малова: «кыдатың келгән кыямны кырычыл тайнап тоспады — чүгәнең сулугы — пришедший из Китая (т. е. лошади) сорок лет жевал мое кушанье = сычуг и не насытился» (Отчет о командировке, стр. 44).

Стр. 164. qumys — питье, приготовленное из кобыльего молока.

sijincik — букв. впитывающийся.

sa:un kelip — сказитель переводит: «заскучав, зоря занялась» (sa:un — тосковать, думать, размышлять); ср. saqu — блеск, сияние, мираж. С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. Язык и мышление, VI—VII, стр. 264.

terij — букв. тороки. Ср. шорские же qanču: terin || tergen — собирать, снаряжать (Вербницкий, Словарь, 350).

ülgen tübün üze qujuyrdu, čas tübün cara qujuyrdu. Сказители переводят: закрывал, разрывая дно, глубину Ульгена (небесного духа), т. е. небеса, на которых обитает Ульген, разрывая дно, глубину подземного мира, где обитает дух нижнего мира (čas, čer čas — властитель подземного мира); ср. «ülgeni üze qujuyrdu, časty čara qujuyrdu lar»; «ülgen tübün üze qujuyrdu, čazy tübün üze qujuyrdu lar». В последнем случае сказители переводят: «разрывая простор степи» (т. е. срединный мир).

Стр. 170. ton torčo — крепкая шелковая материя, плотный, хороший шелк. suñ torčo — хорошая плотная, гладкая шелковая материя (suñ || su — здоровый, трезвый, Вербницкий, Словарь, стр. 307); ср. sum.

Стр. 172. quzugaq rejlerdi kišteže, puçalardy oñ nada — букв. заставляя кобылиц ржать..., заставляя быков мычать.

Стр. 174. alyñ tana — золотая пуговица.

qurtuğ ~ qurttuğ — с червями, имеющий червей.

gaq ajran soqtuñ-ma... Айран скотоводы держали в кожаных больших мешках или деревянных кадках и время от времени его сбивали специальной палкой-мешалкой. Это выражение должно означать: из близкой ли или из далекой земли приехал богатырь.

Стр. 178. elikkijik — возможно надо понимать не «пятьдесят коз», как переводят сказители, а как двойное слово «козы». Ср. алтайское elik — дикая коза.

para para kelgenin — по причине того, что он [ехал, ехал] (и) приехал...

Стр. 182. talaj kül — море-зоза, т. е. много зозы.

taš oñuqtaryñ talady,
talaj küllerin šašty —

начальная аллитерация.

Стр. 184. sy qoburyaj, ср. алт. sü paltyrjan борщевник (Heracleum) и sy в значении: разрывать, срубать, разрывая, напр. sy razur syndyrbysty.

Стр. 198. talaj qomys, в других поэмах tal qomys — комыс из тала.

qola puru-ba talaj qomustuñ ünü... отражение представления о музыке и пении как о чем-то сверхъестественном, чудодейственном и чудесном. Ср. отношение к песне египетских торгов: «Hierzu können wir noch die Bemerkung hinzufügen, dass auch nach der Vorstellung der Tataren der Gesang der höchste Ausdruck der Weisheit ist. Es giebt kein Wesen in der Natur, welches der Macht des Gesanges zu widerstehen vermöchte. Ich habe Tataren mit andachtsvollen Gefühlen erzählen hören, wie die sieben Kudai auf einer Wolkenspitze sitzen und schönen, von den Tönen der Harfe begleiteten gesängen bauschen. Selbst Aina soll sich bis zur Brust aus der Erde erheben um die Töne der Harfe und des Gesanges anzuhören, welche auch die Vögel der Luft, die Fische des Wassers und die Thiere des Feldes, ja sogar Felsen und Berge umreißen» (M. Alexander Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, стр. 316).

Также у алтайских торгов: «oñu qoçoñdo: oñ qoçoñu qaq ayaštañ bür jaryldy, qatü jerdeñ kök tomuldy — от пропетый им песни на сухих деревьях распустились листья, из твердой, высохшей земли показалась зеленая трава» (из героического эпоса).

Стр. 200. ök — живот, брюхо животных. tobur qamčy — короткая, тупая плеть.

perge ~ pererge. Ср. per ~ perer; mündürēm ~ mündürerim.

Стр. 216. künnük — расстояние одного дня пути.

Стр. 214. egrejgen čerlerine... Ср. перевод у Катанова: «когда кризиса его наполнилась мясом, когда горб его наполнился сунем» (стр. 183).

Стр. 228. üren čurt — поколение-стойбище, семья-стойбище, т. е. население хавского стойбища. Ср. у Вербицкого: үренген үренге — из рода в род (стр. 413).

kičig čurt — малое стойбище, т. е. скот на ханском стойбище.

očuqtaryn aždardy, qazannaryn tunderdi — разрушить очаг значит уничтожить юрту, разрушить стойбище.

Стр. 232. ulug ayaštyn iji paštaryn pačlar alyp, altyn tana pečeziniñ ölgen sögtin aya sal saldy. Отражение в героических поэмах древнего обычая погребения на деревьях (ср. текст № 102). О погребении на дереве см. также Радлов, Образцы, т. I, стр. 348, перевод 372: «Ак Кан старик умер. После того как три дня после его смерти прожила, на четвертый день умерла старуха. Кости старика и старухи поднял он вместе на вершину лиственницы. Золотой гроб он сделал, положил туда кости старика и старухи и поставил на вершину лиственницы».

Стр. 234. tan — холодный, северный ветер.

Текст 15

(Род Карга, ул. Усть-Анзас, р. Анзас)

Стр. 236. suņezi ~ suņ ezi — хозяин воды. См. легенды о хозяине воды — тексты 37, 38.

künniñ čaγuγa ošqaš čeg — земля и жилище хозяина воды подобны здешней земле и жилищу человека. Ср. пол в жилище хозяина воды (стр. 238).

čorig — сеть на крупную рыбу. Рыбачили сетью коллективно (7—10 чел.). О рыболовстве см. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году Зап. РГО по общей географии, XI, 1889 г., стр. 320, 322—323; Вербицкий, ук. соч., стр. 214; Мятлов, ук. соч., стр. 26, и др.; W. Radloff, Reise durch den Altai, Archiv f. wiss. Kunde v. Russland, 1865, Bd. XXXIII, стр. 223.

oī suņ eziniñ oγlu šortan polup čorčadyp tutturup alyp, pačyn taš-ра šartyr salyp, am kebege üstünde čatčatqan. — Сын хозяина воды может принимать то антропоморфный, то зооморфный образ. Он плавает, обращаясь шукой, и лежит на печи как человек. Его голова перевязана из-за побоев, которые он получил, когда попал (в образе шуки) в сеть рыбаков.

qočajyn (от русского: хозяин) — название купца, торговца. Так шорцы называли тех богачей — рај, которые имели лавки.

svendej — от русского свинья.

pir-daištebēnca, pola čarγuγ etti čirča — этой фразой дана яркая характеристика торговца и выражено отношение к нему бедного шорца-промышленника.

Текст 16

(Род Кый, верховье р. Мрассу)

albalyp ~ alyp alyp.

purnada ~ purunda — прежде, сперва; 'purnun ~ murnun' нос, морда. purunda — букв. у его носа, на его носу.

ižibskēn ~ ižibiskēn ~ ižip-isken.

tegej — темя, верхушка головы, холм. Вершина горы, согласно антропоморфным представлениям шорцев, считалась ее теменем. Ср. tağduñ pačy — вершина, голова горы, tağduñ qojnu — ложбина, пазуха горы и т. д.

šabyysqan ~ šabbysqan ~ šabybysqan ~ šabyr-ysqan

pol ~ polup.

pras — pras-sug — р. Мрассу, впадает в р. Томь. sol pras — один из истоков р. Мрассу.

Представления о горах как о живых существах sui generis и представления о них как о вмещающих духов-хозяев (ēzi) теснейшим образом переплетались и подчас совершенно сливались. Поэтому в легендах очень часто трудно бывает определить, идет ли речь о самой горе или об ее хозяине, является ли сама гора живой и действующей или же действие относится к хозяину, в ней обитающему.

По старому представлению шорцев, горы и их хозяева живут подобно людям. Они могут передвигаться, переходить из одного района в другой. Они состоят в родственных отношениях друг с другом. Более низкие горы подчинены высоким или чем-либо замечательным горам. Горы воюют между собою, вступают в брак и т. д. Каждый род имел свою родовую гору-тайгу, являвшуюся обычно местом промысла этого рода.

Ср. у скотоводов: «алтаец поклоняется той горе, откуда бегут воды, орошающие долины, на которых пасутся его стада. Шаманист, получая свое богатство, жизнь и другие блага, сознает, что эти блага идут из какого-то рога изобилия, но рог этот гора, где он имеет свои кочевья. Каждый сёёк (род) имеет свой алтай» (Приложение к отчету Алтайской духовной миссии 1911 г., стр. 91).

Жертвоприношения горам носили ярко выраженный родовой характер. Существовали определенные запреты для женщин, как чужеродок, по отношению к родовым горам, — запреты, аналогичные запретам по отношению к старшим родственникам мужа. Им запрещалось проходить мимо родовых гор с непокрытой головой, босыми и т. д. Им запрещалось также подниматься на эти горы.

В многочисленных легендах отразились представления о горах как о живых некогда богатырях. Ср. В. И. Вербицкий, Алтайские горы по легендам инородцев (Мировоззрение и народное творчество сибирских инородческих племен. Литературный сборник. СПб., 1885, стр. 335—352): «Алтайские горы, замечательные или своей высотой, или очертаниями, были

до потопа богатырями. Некоторые из этих богатырей еще до потопа же были превращены в горы. Из допотопной жизни богатырей в народных преданиях особенно обращено внимание на свадьбы и войны их» (стр. 340).

Текст 17

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Мыски-Томазак)

šyqālaqta ~ šyqqaalaqta.

taḡdyḡ qulaḡy — уши горы. Представление о горе (и ее хозяйне) как о живом существе.

Текст 18

(Род Таяш, ул. Чилису-Анзас)

čylyḡ suḡ — букв. теплая вода.

abyḡan paḡynda — в вершине Абакана, на голове Абакана. Ср. Л. Я. Штернберг, Материалы для изучения гялцкого языка и фольклора, т. I, СПб., 1908, стр. 17: «На краю головы этой земли».

qazur-qān — сильный, свирепый хан — название горы. Любопытно, что возникшие с разложением рода новые социальное-экономические отношения сказались и на названиях гор. Вместо «отца горы», «матери горы» появилось название «хан горы».

ācqa ~ ačyqqa.

qyḡca ~ qyḡyḡca ~ qyḡyḡca.

qyḡyḡraḡ paḡybysqan — букв.: не откликнувшись ушел. В тайге опасно откликаться, так как зовущим может быть хозяин горы. По существовавшим представлениям, последний, завладев «голосом» человека, тем самым завладевает его душой, и человек неминуемо умирает. Старик-шорцы даже боялись кричать ночью на собаку, лающую около дома, — это дух, подстерегающий человека, мог начать лаять по-собачьи и таким образом обмануть человека и похитить его душу.

aḡynur — дееспричастие от aḡyn, букв. взять для себя, быть кем-то взят, сходиться с ума, дичать, дуреть. Причиной сумасшествия считался захват души человека духом. Особенно часто овладевают душой охотника хозяева гор — женщины, которым этот охотник понравится.

Текст 19

(Род Кый, верховье р. Мрассу, р. Кыйзас)

abaḡanaḡ ~ abaḡannaḡ; aba-qan — отец-хан. Ср. объяснение названия р. Абакана как «медвежья кровь»: некогда охотник застрелил медведя, когда тот переплывал эту реку, и от крови убитого медведя река стала совершенно красной. Отчет Алтайской миссии за 1912 г., стр. 39.

tassyḡ ~ tasqyḡ (sq || ss) — гора, хребет.

čörčyttabys ~ čörčätqanybys ~ čörčätqanmys.

ačyqtar čörčytqanmys — букв. охотясь мы ходили.

aḡa — туда (dativus locativus).

abij (aba) teze — если же говорить об отце, то он...

tijiḡ kōr paḡybysqan — букв. белку глядя пошел. Шорцы охотились на белку (ради шкурки) всю зиму. Охотились по преимуществу с ружьем (кремневая малокалиберная винтовка). Мясом белки питались во время промысла (ели тушки белки вместе с внутренностями), копченые тушки привозили домашним. Белчьи шкурки наряду с другой пушвиной («голубые белки и соболя») с древнейших времен служили предметом меновой торговли и шли в уплату дани киргизским князьям, монгольскому Алтын-хану, затем джунгарскому Кон-тайше и, наконец, русскому царю. Привыкать выслеживать белку шорец начинал еще мальчиком. На промысел брали мальчиков лет 12—11, часто и моложе. Приведенный текст является рассказом такого мальчика (13 лет), промышлявшего вместе с отцом (1925 г.).

paḡsqan ~ paḡyp-ysqan ~ paḡbysqan.

qōryššam ~ qyḡyššam (šš || šs).

ajčam ~ ajtčam.

paḡam ~ paḡarym.

parbodurāmda ~ paḡyp oduramda ~ paḡyp odurḡamda.

qyḡreḡnaḡ ~ qyḡyḡyḡp čatqannaḡ ~ qyḡyp čatqannaḡ ~ qyḡ čatqannaḡ
qyḡčytqannaḡ ~ qyḡčyḡannaḡ ~ qyḡčyḡnaḡ.

Текст 20

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

aḡnar paḡčadyr aḡnar paḡyp čadyr ~ paḡčadyr — охотясь ходя.

Охота была основным видом хозяйственной деятельности шорцев. Об этом говорят как казачьи отписки, грамоты воевод и т. д., так и все путешественники. Так, Георгий в 1799 г. писал о верхне-томских татарах (родах шорцев, живущих в верховьях р. Томи): «Питаются они по большей части от зверного промысла и дикими растениями. Подушный оклад платят в Кузнецке мягкой рухлядь» (Описание всех обитающих в российском государстве народов, стр. 163—164). То же подтверждал В. Вербицкий в 1859 г.: «Главное их занятие зверопромышленность, рыболовство» (Выписка из журнала мисс. Кузн. отд. Алт. миссии за 1859 г., Христ. чтение, 1862, № 4, ч. I, стр. 553). В Записках за 1861 г. он же писал: «В инородцах в высшей степени развит инстинкт звероловства; при покупках и продажах они простодушно поддаются всякому обману и не в состоянии различить лжи от истины, а в лесной их сфере проявляется в них необыкновенная сметливость: на быстром беге, при множестве сле-

дов зверя, охотник читает по ним, как по грамоте» (стр. 4); (см. также: Кузнецкие инородцы. Томские губ. вед., 1858, № 9; Журнал мин. внутр. дел, 1858, кн. V, стр. 15; А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. РГО по общей геогр., т. XI, 1888, стр. 177, 199, 320; Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1883 г. Зап. Зап.-сиб. отд. РГО, кн. VIII, в. II, 1888, стр. 101; Кузнецкий край. Живопис. Россия, т. XI, 1884, стр. 292; Н. Ядринцев. Об алтайских и черневых татарах. Изв. РГО, 1881, т. XVII, стр. 237; В. Вербицкий. Алтайские инородцы, 1893, стр. 17—23, W. Radloff. Aus Sibirien, 1893, Bd. I, стр. 343; Землеведение Азии Карла Риттера, т. IV, Дополнение к т. III, сост. П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным, 1877, стр. 503—505). К. Н. Мпротворцев в своем отчете о поездке в 1910 г. для обследования бассейнов рр. Абакана, Кондомы и Мрассу пишет: «Начиная с осени до весны все мужское население Мрассу и верховьев р. Кондомы отправляется на охоту» (Южная часть Кузнецкого имения Алтайского округа, стр. 23). Об охоте, как ведущей отрасли производства у шорцев, говорит и А. Аравийский, работавший в Горно-Шорском районе в 1925 г.: «Пушной промысел — основное в жизни шорца, обуславливающее экономическое состояние семьи... быт шорца» (Шорцы и шорцы. Труды Томского краев. музея, 1927, т. I, стр. 129 и др.).

qoγuγ — каменная россыпь, образовавшаяся от обрушившейся скалы. Среди камней соболя устраивают свои норы. Придя в тайгу, артель располагалась станом во вновь сооруженном или в старом, оставшемся от прежних лет, шалаше. Охотники обычно брали с собой собак. Выслежив, куда прычет соболя, охотники растягивали на этом месте на палках особую сеть — аңуу (до 120 м длины), прятались где-нибудь поблизости и ждали, когда соболя выйдет и запутается в сеть. Иногда приходилось ждать всю ночь напролет. Чтобы в темноте узнать, когда выйдет соболя, и чтобы не упустить ценную добычу (albāγanγu tajdyrba — не дай соболю уйги, ускользнуть; albāγa aңууqanγ tajdybystyr), к сети привязывали колокольчики. Соболя, выйдя из россыпи, начинал бегать вдоль сети и, ища выхода, запутывался в сеть. По звону колокольчика охотники узнавали о добыче. Обычно соболя выкуривали из камней дымом. Попавшего в сеть соболя убивали кайком от лыж или же душили, положив его на лыжу и придавив ногой. Этот осенний промысел (сетью аңуу) на соболя, продолжавшийся до декабря, имел коллективный характер («соболя ловят обыкновенно сетями, которые расставляют на вершинах гор, в камнях, где зверь особенно любит рыскать; чем больше сеть, тем больше шансов на успех добычи. Поэтому сеть ставится артелью человек в шесть, подобно тому, как это делается на артельных рыбалках неводами». Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 320). Во время зимнего промысла (в январе) в период гонки соболя охотник уходил от стана обычно один. Выследив соболя, он с большой осторожностью, предварительно прорыв проход под снегом, ставил под следами соболя капканы. Добытый индивидуально соболя шел также к рас-

поряжение артели. В том случае, когда собака загоняла соболя на дерево, охотник убивал его из ружья. Соболя прячутся также под корнями деревьев и в дуплах, где их и выслеживают с собакой. Шкурки соболя шли в уплату дани и были предметом обмена, позднее — торговли. Охота на соболя, — одного из самых ценных зверей, — была связана с особенно многочисленными запретами и сложным ритуалом. (См., напр., у Д. Ярославцева: «При добыче соболя шкурку сдирают, а тушку уродуют, переплетая и запутывая лапки, и прячут куда-нибудь под колодину» По горной Шории. Сиб. огни, 1926, № 3, стр. 180).

tündük — дымовое отверстие в юрте. Юрты шорцев имели чумал, расположенный у стены налево от входа. Чумал носит название 'kebege'. Навес в форме рыболовной морды над очагом, сплетенный из прутьев, называется sügen (рыболовная морда). Sügen своим верхним, суживающимся краем выходил сквозь крышу юрты. Этот выход sügen'я и называется tündük. В домах, где имеются русские печи, tündük'ом называется дымовое отверстие.

kürçek — лыжная лопатка. Каек от лыж имеет вид узкой деревянной лопатки на длинной палке. Этой палкой-лопаткой охотник регулирует направление своего пути особенно при спуске с гор. Этой же лопаткой он нередко выкапывал яму в снегу для ночлега во время промысла в тайге. Она нередко служила охотнику и чашкой. При переходах через реки он пробивал ею лед и, зачерпнув воды, замешивал в ней талкан. Этим напитком он утолял свой голод.

rörügünü perbezec, iliginü per. — По широко распространенным, прежде представлениям, вместе с вещами, принадлежащими человеку, можно завладеть его душой. Вот почему в этой легенде хозяин горы, рассердясь на охотника, просит его шапку или рукавицы.

körtüsca ~ körgüsca — показывает.

tołas odurcatqanda ~ tołazur odurcatqanda — друг с другом они расчитывались. Хозяева гор очень любят играть в карты, причем проигравший обычно отдает выигравшему свой скот, — зверей своей тайги, — который и перегоняется в другую тайгу. Этим шорцы в прежнее время объясняли случаи уменьшения зверя в тех или иных районах.

tagdyң eziniң qaraγunγa — в глаз хозяину горы. Ср. уши горы.

oı qar — букв. тот снег.

Текст 21

(Род Шор, верхний Матур)

parcytqan polγam — я отправившимся был.

qyγγylan ~ qyγγylaγan.

in (ün) perbem — голоса не дал.

perbeniң — твоё недавнее.

Текст 22

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

qāzγt — сильный, могучий.

qōlānaq ~ qulūnaq — колонок (*Mustela Sibirica*). Еще иначе это животное называется sagas ~ sāg'as (ās ~ aγ-as — горноста́й) — рыжий, желтый горноста́й. Возможно, что слово qulūnaq означает «маленький жеребенок» (от qulūn жеребенок и aq — уменьшит. суффикс) и является, таким образом, иносказательным названием зверя на промысле. Ср. название для соболя на промысле — asqγt или asqγt aq или aq, для горностая — qara qizγuq — черный хвост, оленя — taš tujγaqtγ — каменно-копытный, волка — uzun qizγuq — длинный хвост и т. д. Особенно много таких названий имел медведь (aršūjaq, aba, ulda, adaγuq и др.). Охотники считали, что как хозяин горы, так и сами звери слышат все то, что говорят о них, и, чтобы звери не успели скрыться, а хозяин горы — запрятать свой «скот», они избегали называть зверей их обычными именами и называли их иносказательно. Запрещалось во время промысла также называть обычными именами домашних животных, людей, дом, утварь и т. д. Так, напр., лошадь (at) называли tūktūg qabaq — шерстистый лоб, дом — tört toluq — (toluqtuγ) — четыре угла (четыреугольный), изгородь (šeden) — kešγ — брод, воду (agaγu) — qara suγ — ключевая вода и т. д. (ср. Вербицкий, Словарь). Этот охотничий промысловый язык носил название tūjuq sös, т. е. скрытое, тайное, запретное слово. См. еще об описательных терминах на промысле у В. И. Вербицкого, Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1874 г., Томские губ. вед., 1875, № 22.

aγruq — специальная сеть на соболя. Шкурки пушных зверей издавна служили предметом обмена и торговли, поэтому охотники всеми средствами старались сохранить ценную шкурку не попорченной, что лучше всего достигалось применением на охоте сетей.

Об охоте шорцев сетями, aγruq, сообщает еще Паллас в 1770 г.: «Около Таштыпа кочуют татары Кайнского и Кобынского поколения (Tataren vom Kainzischen und Kobinzischen Stamm), первых насчитывается 25 чел. взрослых (Schatzbare Köpfe, т. е. платящих ясак), а Шарбского (der Schorskische Stamm) поколения, которое живет по Мразе (Mrasa), кладут 50 чел. Они живут в неприступных своих укремах еще до сих пор в не пошевеленном язычестве. Понеже в их дачах соболий промысел не корыстен, то чтобы заплатить ясак походят они в леса по ту сторону Енисея. Однако, койбалы, коп по некому праву присваивают спя места себе, им ловить тут мешками (mit Stellnetzen) не дают, а коли поймают, то отняв добычу или снасть (das Jagdzeug) и поколотив, домой отпускают». Pallas. «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches», ч. III, половина I, стр. 367, пер. 515. См. также: Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 320, и Кузнецкий край, стр. 292.

kūskū — букв. осенний, в значении: «осеннее время», «осенняя пора», «осенний период», осень.

šala — лыжи, необходимое средство передвижения шорцев. Без лыж шорец называл себя «пешим» (Вербицкий, Алтайские инородцы, стр. 18). Глубокие снега позволяли шорцу промысливать только на лыжах. Лыжи делаются из березы, талины или черемухи (последние предпочитают) и подбиваются с помощью деревянных или металлических гвоздиков конской, маральей или оленьей шкурой, святой с ног животных (руšqaq ~ руšqaq). Более примитивный способ подбивки лыж — вкладывание лыжи в сшитый кусок шкуры. Последний зашнуровывается бечевкой или ремнем на верхней поверхности лыжи. Встарину, по рассказам стариков, лыжи подшивались камусами диких копытных животных и даже шкурой выдры. Для ходьбы по насту служат лыжи из сосны, не подшитые шкурой — qalbraq или qaγnā. Ср. Вербицкий, Словарь, 126: qaγnā; в Зап. за 1861 г.: «лыжи употребляются непременно с подволоками 'кыс', которые делаются из кожи оленя, взятой с коленей этого животного... за неимением оленьих 'кыс', подкладывают лошадиные, но непременно подкладывают, так что простые лыжи называются не лыжами, а 'голицами'. На голицах только ходят по насту (намерзший весною на снегу ледяной покров, по-алтайски 'чарым') (стр. 3, также: Алтайские инородцы, стр. 17—18).

azyq — запас. Задолго до отправления мужчин на промысел женщины начинали готовить для них запас. Неделями они растирали ручными жерновами ячмень, предварительно поджаренный в плоских котлах qoγuš, и готовили для охотников талкан. Охотники брали с собой также на промысел крупу поджаренную, пшеничную, солод, мясо (обычно конское), сушеную рыбу, чай (карпичный), соль. Запас пищи обычно каждый брал себе отдельно, так же каждый обычно на промысле имел свой котелок.

sörtke ~ sūrtke ~ sūrke — волокуша из конской шкуры. Сложенный в эту шкуру «запас», охотничьи припасы, капканы, ловушки и необходимая утварь (котелок, чашки и т. д.) зашнуровываются веревкой. Охотник тащил sörtke за собою по снегу при помощи ямок. Ср. sūrte — тащить (волоком), волочить. (Вербицкий, Словарь, 314).

По рассказам, встарину sörtke делался из шкур диких зверей. По всей вероятности, некогда охотник завертывал добычу в шкуру убитого им зверя и волочил по снегу к своему стойбищу. На ряду с sörtke охотники перевозили запас и добычу на нартах (šanaγaš). На более близкое расстояние охотники тащили ношу за плечами.

odaγ ~ odaγ — охотничий стан, балаган, шалам. (Балаган — местное русское название для промыслового шалама.) Уходя на звероловный промысел на 50—200 км и более от улуса, артель охотников останавливалась станом в старом шаламе, предварительно восстановленном, или делала новый из молодых пихт, поставленных в круг наклонно к ветвистому дереву и заваленных ветвями (odaγ || odaγ), или из колотых сухостойных деревьев

(ауус). Плахи ставили наклонно, упирая их в ствол развесистого дерева, и заваливали пихтовыми ветвями и снегом. Прежде чем соорудить шалаш, разрывали и разгребали снег. («Зимой снег в окрестной тайге, на горах, выпадает на глубину до 9 арш., так что, когда промышленники разгребут его (а разгрести необходимо до почвы) и поставят свой балаган, то сидят, как на дне глубокой ямы, из которой ничего не видать». Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 101; Ярославцев, ук. соч., стр. 180). Просушив землю, устилали «пол» пихтовыми ветвями. Посредине раскладывали огонь, который старались поддерживать в течение всего промысла и к которому относились особо осторожно и с большим уважением. Шалаш ставился где-нибудь у развесистого дерева, по возможности поблизости от воды. Иногда для покрышки шалаша служила береста (каждый охотник привозил на нартах кусок сухой бересты). В сооружении шалаша участвовал весь коллектив охотников. В шалаше все охотники жили вместе в течение промысла. Промышлял обычно каждый охотник отдельно. Утром охотники уходили от шалаша поодиночке или вдвоем и к вечеру приносили свою добычу к охотничьему стану. Иногда шли сообща (напр. при охоте на соболя с сетью). Порядок размещения членов артели внутри шалаша был строго регламентирован, также были строго распределены обязанности каждого члена артели. Питался каждый отдельно или вместе с ближайшим родственником. Иногда вся артель питалась сообща («старшину так всегда бывало»). — «Скоро проходит день, скоро начинает темнеть в лесу. Мало-помалу вся артель собирается к месту стоянки с добычей и весело располагается на отдых. Среди темнозеленых кедров и пихт, опустивших свои ветви под тяжестью снега, копошится эта таежная семья; один разгребает глубокий снег до земли кривой лопаткой, которая в то же время служит тормозом при скатывании с гор на лыжах; другой принес сучьев и валежника и разложил между старым колодником жаркий костер, третий устанавливает к огню котел со снегом, чтоб варить чай. Яркое пламя костра освещает соседние деревья, увешанные винтовками, мешечками и разным лохмотьем, скользит между стволами деревьев, колеблется и исчезает в непроглядной тьме, в глубине немого леса; оно заливают своим светом группу людей, расположившихся перед костром, в разнообразных позах. Немой и угрюмый лес оживился; одни из таежников распивают горячий чай с толканом, другие закусывают мясом зажаренной белки или тетери, ведут веселую беседу каждый о своих странствованиях по тайге, живописуя ее рассказом о похождениях какого-нибудь зверька, сложившего свою голову под пулей, о его проделках и изворотливости, о стремлении обмануть охотника и скрыться от преследования. Долго, долго тянется эта беседа. Длинная как зимний вечер. Не один котелок чаю опорожнится, много трубок выкурится, прежде чем каждый успеет рассказать о проведенном дне и подвести итога своей охоты. Кончились рассказы; таежники покуривают трубки, впившись глазами в огонь и поминутно сплевывая; вечеру не видится конца, надо его коротать. Устада жизни инородца, неразлучный

гомз — с ним, в тайге; сняв инструмент с сучка, он строит его и заводит сказку про богатыря, и вечер летит незаметно. Товарищи тихо и молча сидят, поправляя костер, и с жадностью слушают, одни обдирая убитую белку, другие — нанизывая тушки на длинные прутья и поджаривая на огне. Льются глухие, протяжные звуки голоса сказочника под тихое гуденье гомза, льются далеко за полночь и наконец смолкают. Утомление и сон смыкают очи лесных детей и скоро кругом замирают малейшие звуки, скоро воцаряется немая тишина. Костер уже тихо потрескивает, слабо вспыхивает, разливая тусклый свет, и постепенно прогорая, потухает совсем». (Адрианов, Кузнецкий край, стр. 293.)

šācyg šācyngannar — кропление совершали, от šāc ~ šāc — кропить, брызгать, делать возлияние, разбрасывать. Особый вид жертвоприношения духам заключался в кроплении абырткой — брагой из ячменя — или вином. Обычно такое кропление устраивали перед отправлением на промысел, во время самого промысла и после окончания его. Главное родовое кропление хозяевам гор и воды — šācyg — устраивалось весной сразу же после вскрытия рек.

aṇnar čōgr — охотаться ходя.

qajāṇ ~ qajanuṇ

ačylyg ~ ačylyg; č || š.

qajāṇ išti — внутренность горы.

araqa ačylyčattyr ~ ačylyp čattyr — водка была подвешена. Ср. qazan as — подвесить котел, т. е. сварить пищу.

qujyryšcatqannary uṇuldu — их взаимное перекликанье слышно было. emdegi ~ emdaṇu — находящаяся дома, домашняя.

aṇ-quš — зверь-птица. Это выражение имеет значение и охотничьей добычи вообще.

oī qatquṇa — к его смеху, по отношению к его смеху.

tajanuṇ ištineṇ — изнутри горы.

aṇnar kelgennerde — когда они охотаться вернулись. Возвращающимся с промысла охотникам устраивали ветречу-угощение saq (saq — чуткость, осторожность, трезвость, ожидание; saqta — ожидать, хранить).

Охотники ходили по очереди по домам участников промысла, начиная с дома самого старшего, где их пили вином. Всех приходящих охотников угощали мясом убитых животных. Собравшиеся на угощение не только ели сами, но и уносили куски мяса своим домашним.

Игра в карты хозяев тайги и гор, проигрывание ими зверей и птиц — один из распространенных мотивов. Ср. аналогичные рассказы у абаканских тюрков. Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, СПб., 1907.

Текст 23

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

kirege ~ kirege
tereñ su — глубокая вода.
ruşqu — факел, расщепленная палка с воткнутой в нее берестой, употребляется при ловле рыбы; ruşqu употреблялась иногда и при камлании.
edibalır ~ edir alır
şulazaq — босиком, şulaş azaq — голая нога. Ср. Вербницкий. Словарь, 108:
julaş azaq-ıyła
turçuyan ~ turçuyan ~ turçytqan ~ turçatqan ~ turup çatqan.
körbalır ~ körüp alır
Горы — место обитания хозяев — мыслились наподобие жилищ человека.

Текст 24

(Род Таяш, р. Ойныг)

usqan-kel — usqan kelip ~ usqanır kelip
körgenim — мое смотрение.
işren abırtqa — та абыртка, из которой не пил человек. Для кропления духам необходима именно неиспитая абыртка, чистая, не оскверненная прикосновением человека. Если кто-либо отведаст этой абыртки, хозяева гор не станут ее пить. Абыртка — напиток из ячменя, встарину также из каздыка. См. Вербницкого Словарь, стр. 3; см. также: Адрианов. Путеш., 1881 г. стр. 310—311; Вербницкий, Зап. за 1861 г., стр. 12.
er edinege — «сделать мужем». Мотив о сексуальных связях охотников с хозяевами гор, женщинами, — обычный мотив охотничьих рассказов. Ср. рассказы абаканских тюрков — Катанов, Образцы, т. IX.

Текст 25

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасс. авт. область)

qan tegri — хан-небо — название хребта в верховье р. Томи.
aşuyan ~ ajtçuyan ~ ajtçajtqan

Текст 26

(Род Таяш, р. Ойныг)

çaça ~ çatça
tağya çörcam — я иду в гору, к горе.

Текст 27

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

аппар ёрген — охотясь ходил. Звероловный промысел шорцев был «пеший». Зимой охотники шли на лыжах, летом уходили обычно пешком. («Покачиваясь из стороны в сторону, инородец на лыжах легко пробегает от 70 до 80 верст в весенний день, а в самый короткий зимний обыкновенным бегом от 50 до 60. Но если охотнику нужно перехватить зверя, т. е. пересечь линию бега, заметив его направление, то он пробегает от 100 до 150 верст в день» — Вербницкий, Зап. за 1861 г., стр. 3; также: Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 320). Лошадь как средство передвижения имела небольшое значение (по преимуществу в северной части района). На лошадях осенью отвозили иногда в тайгу продовольствие артели (складывали на специальных срубках, помостах tastaq), на лошадях же отвозили в отдельных случаях охотников до последнего (наиболее близкого к району промысла) улуса и ездили туда встречать их.

qazan azylyr alır — повесил котел, т. е. варя пищу.

adybsqan ~ adyb-ysqan.

ol nō-la polza, ol polzun ter — «что бы ни было, пусть то будет!» — говоря.

tiler çörcütqannardy — ища ходящих, т. е. тех, кто ходит, ища (зверей).

attır saldyñ — ты застрелена, ты дала, допустила себя застрелить.
nān-kelgen ~ nanır kelgen.

Текст 28

(Род Таяш, ул. Чилсу-Анзас)

qonçuyanbys ~ qonçatqanmys.

turçuyanır ~ tuçatqanır ~ ее стояния.

emçegi sarbajır — груди ее растопырившись (растопырились).

rağynda aq plattyğ — имеющая на голове белый платок.

ajtqanım — мое сказывание (ср. ajtqam).

Текст 29

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

passik qadaryan — пасеку сторожил.

Пчелованье, т. е. добыча меда диких пчел (агу), с давних пор известна у шорцев. См. у Вербницкого: «кроме пчеловодства занимаются еще пчелованьем, т. е. отыскиванием блуждающих пчел. Кому посчастливится в течение весны, тот находит колод до 20 этих блуждающих пчел», Алтайские инородцы, стр. 24; см. также Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 183, 323; Radloff, Aus Sibirien, стр. 368. На ряду с пчелованьем

существовало и пчеловодство (по данным экспедиции Швецова 1900 г., 27.8% хозяйств имели пасеки, 16.9% — по р. Мрассу и 44.9% — по р. Кондоме. («У некоторых инородцев (зажиточных шорцев) количество ульев доходит до 1000» — Вербницкий, ук. соч., 24; см. также у Митрополца, ук. соч., стр. 26.). Мед и воск имели большое значение в обмене и торговле шорцев с соседними племенами. Названия *passik*, *koloda*, *möt* взяты из русского языка. Для обозначения дикого меда употребляется слово *pał*.

Текст 30

(Род Четибер, р. Томь, ул. Сыркаш)

añ soguñi ~ soguñi (γ || j) — солонец. Охотники подстерегали маралов, оленей и козюль на солонцах. Солонцы (*soguñ*) они устраивали в озерах и на болотках на местах, где водились эти животные. На дереве (с подветренной стороны) сооружали особые помосты, укрытые со всех сторон ветвями (*tastaq*). Оттуда охотник стрелял в приближающихся животных. Охотились в одиночку или вдвоем. Женщинам в прежнее время запрещалось подходить к солонцу, равно как запрещалось им присутствовать вообще на местах промысла, прикасаться к орудиям охотничьего промысла, пересекать путь охотникам и т. д.

añwa — злой дух.

men seni azyraguñ — я тебя кормить стану. Бессильный в борьбе с природой, задавленный вечной нуждой, не находя выхода из вечного долга скупичику-танышу, шорец-охотник создал нереальный мир хозяев и хозяек гор, наделяющих, якобы, промышленника богатством. Но полуголодный охотник мечтал далеко не о богатстве. Его мечты были гораздо более скромны: он мечтал о сытой жизни.

Текст 31

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

qajla — напевать былинку, аккомпанируя себе на комысе. Ср. Радлов, II, 3, 27.

asqur ~ ajuur — жеребец. Иносказательное название для марала на промысле. Обычное название марала — *sūn*. На марала шорцы охотились не только из-за мяса и шкуры, но и из-за рогов (весенняя охота, май — июнь). Били марала из ружья на солонцах. Зимой гнали по глубокому снегу или насту. Осенью приманивали при помощи дудки (*rugur*). Встарину устраивали осенью во время перекочевки маралов у маральных бродов загорода (*šeden*), летом загорода с настороженными самострелами ставили на маральных тропках. Этот вид охоты имел ярко выраженный коллективный характер.

solu šolañan — путь охотника удался.

pistiñ sannañ šur-partyr — из нашего счета вышел, т. е. убит, — иносказательное выражение.

ijgi kiži kele pergenner — два человека взяли и пришли. По старому представлению шорцев, хозяева гор очень любят слушать сказки. Заслушавшись сказок, они оставляют без внимания свой «скот» — зверей своей тайги, и последние становятся добычей охотника. Считали также, что хозяева, когда им понравится сказка, одарят за это охотников зверем. Поэтому обычно брали с собой на промысел сказочника, который и получал равную долю из общей добычи.

Текст 32

(Род Карга, р. Мрассу, ул. Анзас)

köze ~ küze — ожег (местное название для кочерги), палка, которой мешают дрова. *küze* называют также плохое, изношенное ружье — иносказательное название для ружья (*mułtyq*) на промысле. Ср. *küzej* — старинное кремневое ружье.

čibiñniñ pažu — букв. голова сети.

alaš — дятел, название соболя на промысле. *alaš* — также название оленя (*aq kijik*) на промысле. См. Вербницкий, Словарь, 17.

turčuza ~ turčatsa.

čibiñe ~ čibinge (ñ || ng).

Текст 33

(Род Кой, р. Кубансу, верховье р. Мрассу)

kelēm ~ kelerim.

nartraq sałdyrağa — букв. заставить положить сказку.

ištiñ qaryłčattyr — твоя внутренность жарится — печалится. Ср. также: *künñiñ qaryłča, ol qaryłča*.

tağ eziği — дверь горы.

По существовавшему встарину представлению у шорцев, горы имеют двери, через которые хозяева выпускают своих зверей. Через эти двери шаман во время камлания входит с жертвой к хозяину горы. См. А. В. Анохин, Материалы по шаманству алтайцев. Сб. МАЭ, т. IV, 2, 1924, стр. 17 (*jetti ežiktü jerim sum* — земля и вода моя, имеющие семь дверей).

odaña enir pağap — к шалашу спускался. Обычно охотничий шалаш ставится в защищенном месте, ниже той территории, где артель охотится. Поэтому ити к шалашу передается глаголом «en» — спускаться, ити вниз по склону горы.

šyqła ~ šyqqyła.

Текст 34

(Род Кый, верховье р. Мрассу, р. Колзас)

odurğyn pořarym ~ odurçatqan pořarym — я сидящий буду.
 qarağyña → qarağynğa, также: çirtuğa → çirtumğa.
 çöqtabedim ~ çöqtabadym.
 pağam ~ pağarym.
 qonğazyң ~ qonğanzuң.

Текст 35

(Род Калар, низовье р. Мрассу)

en-kelip ~ enip kelip — спускаясь под гору.
 myřtyğyn azynğançе — повесить себе, на себя ружье.
 parsty ~ parbysty ~ paryb-ysty ~ paryp-ysty.
 aң qujynda alyğyğar kōr pořtur — по существовавшим представлениям, хозяйева гор держат «свой скот» — зверей около себя в своей юрте, т. е. в горе. Они выпускают его через дверь или через тюндюк юрты — горы.

Среди многочисленных охотничьих запретов существовал запрет иметь половое общение с женщиной перед отправлением на промысел.

Текст 36

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

çolu çolağban — путь не удавался (çola ~ çolla — идти по следам, прокладывать дорогу).

qara qazan — черный котел, задымленный от частого употребления.
 tük nebe — букв. шерсть-вещь (существо).
 çetirçen ~ çettirçen.

kōdürüle pergen — подниматься, возноситься стала.
 küřtüg — имеющий силу, заключающий в себе силу.

temir (tebir) tağ — железная гора. Название горы Темир таг, железной горой, горой железа, так же как и названия других подобных мест в тайге, лишний раз свидетельствует о том, что не только населению р. Томи, но и шорцам системы р. Кондомы с древнейших времен были известны как местонахождения железной руды, так и способы добычи из нее железа. См. Риттер, Дополнения, стр. 486 (по рукописи Платина 1745 г.: «Жители Каларской волости (по Мандыбашу) и Шорской (по Кондоме) выделяли котлы, таганы, топоры, ножи, обывы (абылы) и другие вещи и ими платили алман в Джунгарии и вели торговлю с теленгутами, которые приезжали к ним через Кумандинские волости, у них брали железные вещи и козлины, а им давали лошадей, соболей и волчьи шкуры, шубы и лосины); также Гмелин (стр. 280). Это знакомство с кузнечным делом дало повод

сибирским летописям называть население р. Томи «кузнецами» и закрепило имя «кузнечные татары» за населением этих районов. См. у Миллера: «Живут они в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью рекой соединяются. Сии татары были прозваны кузнецами, потому что они железную руду плавят и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащее к звериному промыслу орудие» (стр. 334—335; о том же Фишер, Сибирская История, II., 1774, стр. 271, 213; Gmelin, Reise, стр. 294). Железные изделия шли в уплату дани и служили предметом обмена с соседними племенами («Шли (калмыки) из тех канских зенгорских волостей в ясашные в кондомские волости для смены тулупов и войлоков на кожи и железные абылы, чем землю копают». Рапорт 1745 г. Материалы для истории Сибири. Чтение в Общ. истории и древностей российских, 1866, кн. 4, стр. 85). Колониальная политика царизма вызвала окончательное исчезновение этой отрасли производства у шорцев.

Эта легенда представляет большой интерес, так как она показывает, каким путем в представлениях шорцев преломляется новое социалистическое строительство. Построенная по типу обычных охотничьих легенд, она вместе с тем таит в себе глубокий социальный смысл. Богач-торговец отвергает камни, которые должны в будущем уничтожить его благополучие. За камнями отправляются бедняки, трудовой народ. Их усилиями создаются новые формы хозяйства и строятся новые формы жизни. Интересно, что хозяин горы тоже противится новому строительству: он прячет камни глубоко внутрь горы. Так старая религиозная консервативная идеология борется с нарождающейся новой социалистической идеологией.

Текст 37

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

suğduң ezi — хозяин воды.

Хозяйева воды мыслились обычно в антропоморфном виде. Все реки и реченки тайги считались распределенными между этими хозяевами, которые рассматривались подателями и распределителями рыбы. Значение того или иного хозяина зависело от значения той реки, властителем которой он считался. Самый могучий, сильный хозяин, кому подчинены были все прочие хозяева, мыслился в образе женщины очень большого роста, с длинными волосами, с большими грудями и большим животом. По рассказам стариков, эта хозяйка воды отличалась большой чувственностью. Рыбаки, отправляясь на рыбный промысел, считали необходимым рассказывать на рыбалке самого непристойного содержания истории и в песнях и рассказах восхвалять хозяйку. За это они надеялись получить от хозяйки, которой очень нравятся подобные рассказы, обильный улов.

Особенно опасными считались хозяйева весною во время ледохода. В это время хозяин, рассердясь, мог затопить улус. Именно гневом хозяйев старики объясняли разливы рек и связанные с ними бедствия. В 1927 г., когда

в низовье Мрассу, в улусе Акколь, во время ледохода обычно затопляемой водой, молодежь стала возражать против устройства *šačuḡ* — жертвоприношения хозяину воды, старик-шорец сердито заявил своему сыну: «а ты отвечать за убытки станешь, когда он (т. е. хозяин воды) рассердится?»

köḡünmes — невидимый. Ср. Вербицкий, 186; Радлов, III, 1267; Анохин. Материалы по шаманству, стр. 6; Катанов, Алфавитный указатель собственных имен к образцам народной литературы тюркских племен к I тому. СПб., 1888, стр. 15.

čerdiḡ tündük — земля, по представлению шорцев, имеет отверстие — тундук; через это отверстие шаман спускается внутрь земли к духам подземного мира.

Текст 38

(Род Кызай, р. Кобырсу, ул. Усть-кобырсу)

Текст 39

(Род Кызай, р. Кобырсу, ул. Усть-кобырсу)

öḡegin ~ öžün.

Текст 40

(Род Таяш, р. Ойныг)

müštüḡ qara aḡ čuḡaboḡ — зооморфный образ хозяина воды.

См. объяснение ледохода шорцами у Вербицкого: «Когда остановилась вода, инородцы объяснили, что су-ээзи, трудившийся своими зубами взломать лед, на своих же шайтанских плечах и попер его вниз» (Вскрытие р. Кондомы. Томские губ. вед., ч. неоффиц., 1859, № 30, стр. 242).

töziḡe || tözüḡe.

Текст 41

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

tižig kiži (tiži kiži) poḡur — женщиной будучи.

pīr öḡaḡa köriḡen — одному юноше увиделся, показался.

münmaḡur ~ münür aḡur.

ede suḡ ėzine tartıḡur aḡan — он дал себя утянуть хозяйке горы.

Текст 42

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

aršaḡtuḡ annaršaḡtanu — охота на медведя. В медвежьей охоте с особенной яркостью отражены старые религиозно-магические охотничьи представления. Начиная от сборов на охоту и кончая поеданием мяса,

все действия охотников сопровождалось определенными обрядами, которые должны были, по существовавшим воззрениям, обеспечить удачный исход охоты — с одной стороны и способствовать умножению зверя в будущем — с другой.

Ритуал, связанный с медвежьей охотой, очень глубокой древности и, как мы уже говорили в предисловии, восходит, вероятно, ко временам материнского рода. В этой связи интересно отметить то, что медведь очень часто называется *taj*, т. е. дядя со стороны матери. Медведь считается, таким образом, не просто сородичем, а именно членом рода матери.

aḡuḡ inı — берлога зверя, т. е. медведя.

aḡ — зверь, название медведя на промысле.

Я берлогу обошел. — Найдя берлогу, шорец обходил ее кругом и делал на ближайших деревьях зарубки топором, закрепляя таким образом свое право на находящегося в ней зверя. Придя в улус, он оповещал своих соседей, говоря: «жилище великого зверя я окружил». Это означало, что он объявил свои права на найденного им зверя и что соседи не должны слишком близко от берлоги стрелять, чтобы медведь ее не покинул. Когда выпадал снег, охотник звал несколько человек родственников (своего рода), а если таковых не находилось, то соседей, и шел убивать медведя.

taj ~ tajḡ — дядя по линии матери, название медведя на промысле. Интересно отметить, что свое название тай, сохранилось за медведем вплоть до настоящего времени. См. рассказ «Железная дорога» (*Tebir col*) в шорском учебнике «*Qyḡsaḡ kniga*». Cispijakov и Kusurḡaḡev, 1934 г., Ogiz, стр. 33 (Книга для чтения. Чиспияков и Кусурḡашев): «*Paḡovozqa aršaḡ usurḡaḡ parza, tajḡ-öl qaj-la poḡḡaj edi?* — если встретится с паровозом медведь, что станет делать дядюшка?»

uḡ ėḡ — великая земля, великая местность, название для берлоги медведя на языке охотников.

tarraḡ qajḡannaḡ — они ненашедшими остались.

aḡanarḡynda ~ aḡannarḡynda.

ḡuḡur paḡybysqaḡ poḡbazyn ter — букв. «выйдя, ушедшим пусть не будет», говоря.

uzun aḡaḡ — букв. длинное дерево.

paḡa ~ paḡla. İḡ || ḡİ.

pūr paḡynda ~ purḡuḡ paḡynda.

tiḡterin syndyrḡaḡar — обычай обламывать зубы убитому медведю объясняется, вероятно, боязнью его мести.

arḡij-čeleḡ öster kelip — рычание по-медвежьи во время медвежьего ритуала восходит к широко применявшемуся в первобытном обществе подражанию зверю во время промысла.

maḡıḡyannuḡ ~ paḡıḡyannuḡ — имеющая борщевник, с борщевником (Heracleum).

maḡıḡ ~ paḡıḡ — икры ног.

čestek ~ ayaš čestegi — малина.

qoıamčy — подарок невесте со стороны жениха и его родных; в переносном значении — пуля медведю; улда каламчын ал пар (Вербицкий, Словарь, 140).

quzuqtañ ažur öldüm — чтобы избежать мести медведя, охотники стараются доказать свою непричастность к его убийству.

paštaryñ sökterin pirge saıur saıur — обычай тщательно сохранять кости и особенно голову медведя, вызван желанием, чтобы медведь мог опять воскреснуть.

myıtuq-ра atčalar — то, что охотники после совершения обряда погребения медведя стреляли из ружья, имело целью отогнать душу убитого медведя, чтобы она не вздумала мстить за совершенное убийство.

šanaıarynuñ çoıuna ayaš toğa taštarpčalar — это делалось для того, чтобы душа убитого медведя не нашла охотников по их следам. У шорцев существовал обряд запутывания следов после погребения сородичей.

uñuq-се түп — как нить душа. — Ср. такое же представление о душе человека, в частности о душе богатырей, в героическом эпосе. См. также у Вербицкого (Зап. за 1866 г., стр. 8): «тын тибектый — душа как щолчинка. Суеверные алтайцы будто бы слышат, как тын перерывается у умирающего, и потому у них есть бранное ругательство — тын тырс этсиш — твоя душа пусть сделает щелчок, т. е. порвется и щелкнет».

Текст 43

(Род Кобый, верховье р. Мрассу, р. Кобырсу)

arşıjaq — букв. старичок (от arşıj — старик); более обычное название для медведя арšaқ.

tiži-kiži ~ tižig kiži — букв. самка-человек.

qarynpnyğ (от qaryn) — беременная.

(qurğay) şurqan — поднималась, шла в гору. Крошечные пашни шорцев (в южной части района) располагались по склонам гор. Итти на пашню — букв. подниматься на пашню. «Их небольшие пашни подняты высоко в горы, чтобы летние засухи и ночные морозы не погубили посева» (Вербицкий, Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 157). О незначительных размерах пашен у шорцев см. Георги: «Землепашество их (абхазцев) не знатное, мало кто в оном упражняется и пашни таковых земледельцев едва могут величиной сравниться с знатными огородами и потому они вместо сохи употребляют заступы» (Описание, стр. 162); у Вербицкого: «Хлебопашеством занимаются весьма мало по недостаточности удобных земель» (Вып. из журн. мисс. Кузн. отд. Алт. миссии за 1859 г., Христ. чтение, 1862, ч. I, № 4, стр. 553); у Адрианова: «Пашня, по обыкновению всех черневых, ничтожных размеров, здесь хотя и ведется, но нередко оставляет жителей совсем без хлеба»; «По лугу Шудуна сплошь идут микроскопические пашни инородцев» (Путеш., 1883 г., стр. 101, 109).

ро — указат. местом. в значении личного.
iñezine toğazur — матери повстречавшись.

Текст 44

(Род Таяш, верховье р. Мрассу, р. Колзас)

pes — *Erythronium dens canis*. Май-месяц носит название pes aj — месяц кандыка. В этом месяце женщины выкапывали корни кандыка. Кандык варили, а также запасали на зиму. Связки нанизанного кандыка выменивали у степняков на молочные продукты и на овец. Ср. Паллас, назв. соч., стр. 514, 489.

qaz-čöğčadur ~ qazur čöğür čadur — выкапывая ходя.

suğya endir — заставляя спуститься к воде.

suğ aşuq (aışuq ~ aıur şuq) — подними воду; взяв, пойдя в гору. Шорские улусы расположены по крутым берегам рек; приносить воду поэтому значит поднимать ее в гору.

Текст 45

(Род Карга, р. Анзас, ул. верхний Анзас)

emezi ~ em ezi — букв. хозяин дома, женщина.

tör — передний почетный угол в юрте.

kelgenerde ~ kelgennerde.

azran ~ azyrağan.

čačadur ~ čatčadur ~ čadur čadur.

ölben-ne četken — едва не умершей дошла.

ton azaıu — общее название для одежды, включая обувь и шапку.

Текст 46

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

sağaj — *Lilium martagon*. Женщины выкапывали луковицы этого растения с помощью особых копалок — ozur.

ronu — этого.

Текст 47

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасск. авт. обл.).

iniñe || ininge; ср. также čerñe || čeringe.

Текст 48

(Род Кечин, верховье р. Мрассу, ул. Кечен)

öleñ özüp pağyan poıyan — трава выросшей была.

enmodurğan ~ enip odurğan.

Текст 49

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

čirgetkende ~ čirge etkende — когда намеревался, когда хотел съесть.

Текст 50

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

sen qajda čatčutqan aq-zuq — букв. где живущий зверь ты есть.

Выдра очень осторожный, «хитрый» зверь, охота на нее требовала от охотников большой ловкости.

Текст 51

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

čanaγa || čannaγa.

Текст 52

(Низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

qujguγuq — чудесная птица. Одни шорцы считают, что это лебедь, другие — что это орел или павлин. У Вербицкого, Словарь, 157: кыйгылык (k) — орел.

Чудесная птица фигурирует часто в верованиях и в фольклоре алгайских и абаканских тюрков. См. Радлов, Образцы, т. I, 265; Катанов, Образцы, т. IX, 232.

Текст 53

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

šoła — имя, прозвание, имя подставное, употребляемое теми лицами, которым нельзя произносить настоящего имени. См. Вербицкий, Словарь, 449.

ergek — самец, большой палец, также курок у ружья.

pułan ~ pułan ~ plān — сохатый лось (*Cervus Alces*).

čyłtystar-oq połur paγaппar — речь идет о звездах Орион и Альдобаран.

Текст 54

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

qudaγ — добрый дух, божество, икона. См. Радлов, Словарь, II, 14; Катанов, Алфавитный указатель собственных имен к образцам народной литературы, к I и II тт. СПб., 1888, стр. 12; Анохин, Материалы, стр. 12, 18.

taγ-suγ — гора, вода; подразумевается вся неорганическая природа.

ülgen — имя доброго небесного духа. Культ Ульгена возник, вероятно, в развитом отцовском роде. Этот культ отличается большой сложностью. Жертвоприношение Ульгеню мог совершать только шаман. Шаманке-женщине не разрешалось камать Ульгеню. См. Катанов, Алф. указ., стр. 21, 30; Анохин, Материалы, стр. 9—12.

Текст 55

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

ot qušcaγu — птица огня. Этой птице шорцы приписывали появление у них первого огня. Между прочим, в этой роли иногда выступают журавль, орел, ворон.

Текст 56

(Род Кый, ул. Палыкташ, юго-зап. часть Хакасской авт. области)

pyšlaq ~ pyžyłaq — сыр из тзорога.

tojzaq ~ tozyjaq (tūzek) — берестинной кузов, берестяная корзинка.

qaš — качинец.

mał ösrēncē — скот не вырастает. Эта фраза характеризует состояние скотоводства у шорцев в дореволюционный период. По данным 1900 г., в системе р. Мрассу 13. 6% хозяйств не имели скота, 37. 3% не имели крупного рогатого скота (Миротворцев, Южн. часть..., стр. 21). Шорцам неизвестно было приготовление таких молочных продуктов, как кумыс, чегень, пыштак или пышлак и др. (Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 309, Radloff. Reise durch den Altai. Archiv f. w. Kunde, Bd. XIII, H. 1, стр. 228). Хотя шорцы и заготавливали сено, но скот кормили, подгоняя его к стогам («скот кормят подпуском...» Адрианов, Кузнецкий край, стр. 288. Путеш. 1887 г., стр. 317; «кони, по обычаю инородцев, питались в загородке у стога сена целую зиму, заедая жажду свою снегом», Вербицкий, Зап. за 1866 г., Прав. обзор., стр. 166). Особенно мало развито было скотоводство в южной части района. См. у Вербицкого: «Скотоводство и птицеводство — в жалком положении», Зап. за 1861 г., стр. 28.

Текст 57

(Род Кобый, верховье р. Кобырсу)

qaduγ čuł — тяжелый, жесткий год. В тяжелые годы, в годы неудачного промысла и неурожая хлеба, таежные шорцы перекочевывали в соседние притаежные и степные районы. Некоторые старики-шорцы на рр. Матуре и Таштыше помнят, как их отцы и деды перебрались в степь в тяжелый год.

Текст 58

(Род Кый, р. Палыкташ, юго-зап. часть Хакассии)

qyγyγs čazy — кыргызская степь. В других вариантах этой легенды говорится о сагайской степи.

Текст 59

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

mindig adnag qajdig čerden — из какой это земли пришли такие звери? — Удивление охотника при виде быков подтверждает рассказы стариков об отсутствии встарину скота у шорцев и о появлении сначала лошадей, позднее рогатого скота, прежде всего в сев. части района, а затем и в тайге. (Согласно описанию, сделанному Плаутиным в 1845 г., «из скота кондомские инородцы держали одних только лошадей». Риттер, Землеведение, стр. 486; ср. у Вербицкого, Зап. за 1861 г., стр. 28; Адрианов, Путеш. 1883 г., стр. 108.) Лошадь использовалась богатыми шорцами сев. части района для завоза товаров в тайгу, а также для обработки своих земель. Условия южн. части района (тайга, зимой глубокие снега) затрудняли передвижение на лошади. Лошади на убой (zoγum, от soq- 'убивать животное, колоть' — лошадь, обычно старая, предназначенная на убой) были предметом обмена с соседними племенами, а позднее завозились русскими торговцами. (См. материалы для истории Сибири. Чтение, 1866, кн. 4; стр. 73, Рапорт 1747 г.; Гр. Спасский, Сиб. Вестн., 1819, ч. VII, стр. 141; Риттер, Дополнение, стр. 486; см. также: Зап. за 1862 г. Вербицкого, Прав. обзор., 1863, стр. 144.) См. у Адрианова: «Мясо употребляется редко и чуть ли не исключительно во время каких-либо народных пиршеств, напр., по случаю свадьбы, сбора ясака, принесения жертвы и пр. В таких случаях за счет артели, рода, покупается корова или лошадь и торжественно убивается» (Путеш. 1881 г., стр. 308).

saγyγy || saγyγyγy.

Текст 60

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

аккол || ақ көл — букв. белое озеро; озеро в безлесном чистом месте; (ақ — безлесное место).

Текст 61

(Род Челеп, низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

aγa turyγuzur — ставя самострел. Шорцы устраивали в летнее время на оленьих, маральих тропах коллективно загороди (šeden); около пустот, оставленных для прохода животных, настораживали самострелы. «Для лоса,

олениа (Cervus pygargus) и марала (C. Elernas) делают городьбу, которая бывает версты на три, кое-где оставляя пустоту. Внутри городьбы настаивают от 200 до 300 луков... Это промысел летний» (Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 20). Осенью, когда козы из Кузнецкой тайги переходят в менее снежные районы, за Абаканский хребет, охотники на местах перехода через реки устраивали городьбу и в отверстиях ее настораживали луки и ставили петли.

quγ saγ или quγ ur — ставить петли. Петлями шорцы обычно ловили глухарей (selej), рябчиков (synma), зайцев и т. д. (ср. Вербицкий, Зап. за 1863 г., Прав. обзор., стр. 165). Петли ставили и на маралов и коз. См. у Вербицкого: «Хозяин нашей юрты много лет ловит лосей зимой, делая для них загороди с воротами, в которых наставлены самострелы, а летом петлями, которые ставятся вблизи озер, куда лоси любят скрываться от комаров в воде, и с удовольствием питаются здесь сочными корнями кувшинника (Nymphaea alba)». В прежние годы охота загородами с настороженными петлями (осенью, на местах маральих, лосиных и козлиных бродов) имела коллективный характер. В сооружении загородей участвовал коллектив (обычно родственник по отцовской линии) охотников. По окончании постройки загороди и по возвращении в улус коллектив охотников выполнял работы в хозяйствах охотников, оставшихся караулить у загородей животных. После промысла добычу делили поровну. Наделяли мясом всех присутствовавших сородичей.

Текст 62

(Род Шор, верховье р. Матур, Хакасс. авт. обл.)

uzyγ — животное, посвященное духам. Оленеводы посвящали духам оленей, скотоводы — чаще всего коней, но могли быть посвящаемы также овцы и рогатый скот. Ср. у абаканских тюрков uzyγ (узых), у алт. и кирг. uγyγ, у тофа и тувинцев udyγ, у якутов utyγ, у желтых уйгуров juzyγ (от глаг. yt || ys || uγ — посылать, отправлять, отпускать) (Вербицкий. Словарь, стр. 457; Радлов, Словарь; 1359, Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1866, стр. 387).

У абаканских тюрков каждому духу посвящали uzyγ особой масти. Коня обычно посвящали на родовом жертвоприношении горам — tag tajyγ.

uzyxa tutčūtqan — лошадь, которая ставится ызыком (uzyγ tut, uzyγ-sal и спец. глагол yγyqta ~ udyqta — делать ызыком, посвящать коня).

pozο — брага, пивной затор.

minerge ~ mūnerge (ū || i) — с посвященными животными связан был ряд запретов. Особенно строги были эти запреты в отношении женщин: женщине запрещалось ездить на посвященном коне, не разрешалось даже дотрагиваться до седла, переступать через седло, держать и поить коня и т. д.

soḡaḡa čarabānča. — Запрещалось закалывать посвященных коней. Иногда этот строгий запрет смягчался, языки закалывали, но прежде избирали на его место другого молодого коня. Кости заколотого или умершего языка не ломали, а складывали вместе и сохраняли — погребали.

В языке шорцев, живущих в юго-зап. части Хакассии, имеются некоторые отличия, напр. *iži* вм. *eži* (*i* || *e*), *kizi* вм. *kīzi* (*z* || *ž*), *sübirek* вм. *šüberek* (*s* || *š*), *uzux* вм. *uzyq* (*x* || *q*) и т. д. (Ср. хакасский яз., в частности язык сагайцев, соседей шорцев.)

Текст 63

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

odaḡ turḡusqan poltur — юрту ставящим был. Шорцы обычно ставили для женатых сыновей отдельные юрты.

pozaḡazun aitar paḡaḡa čarabān poltur — порог перешагнув, вступать запрещено было. Настоящая легенда отражает существовавший у шорцев институт «избегания». Обычай избегания между свекром и невесткой выражался в запретах называть свекра по имени, брать что-либо из его рук, показываться свекру с обнаженными руками и ногами, с непокрытой головой, входить в его юрту и т. д. См. у Вербицкого: «Обыкновенно женившемуся сыну сейчас же отводится новая юрта и жена его, если за чем-либо и придет в юрту отца мужа, то далее порога никогда не ступает, тем более сесть, хотя бы и у двери, никогда себе не позволит» (Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 158); у Адрианова: «Женщина не может называть по имени ни брата (старшего) мужа, ни свекра...» (Путеш. 1881 г., стр. 328). Сноха, особенно после смерти мужа, была в полной зависимости от свекра. См. у Вербицкого: «Сноха после смерти мужа остается при одном ячмене и вечной невольницей своего свекра, купившего ее как вещь, и который копейки не сбавит с нового покупателя, если бы таковой выискался». Зап. за 1864 г., Прав. обзор., 1865, № 2, 3; о том же: Radloff. Aus Sibirien, I, стр. 357.

tuluḡ ~ tuluḡ — женская коса. Заплетание волос во время свадебного ритуала связано с существующим у многих народов обычаем обязательной перемены прически для женщин при переходе ее в дом и в род мужа. Ср.: косы девиц — *süḡüḡmeš* (см. Зап. за 1867 г., стр. 10; Вербицкий, Словарь, 314).

ōlary ~ ōllary.

kelineri ~ kelinneri.

ežik eži или *pozaḡa eži* — хозяин двери или хозяин порога. В настоящей легенде ярко выражена императивность института избегания: невестка нарушила веками существовавший запрет — входить в юрту своего свекра, и хозяин порога — дух предок, родовой дух, который охраняет старые порядки, ее наказывает. Очень возможно, что хозяин отрезал не-

вестке косы, потому что невестка явилась к свекру с непокрытой головой.

К хозяину порога обращается шаман во время своего камлания, охотники приносят ему жертву перед отправлением на промысел. О хозяине порога (розоḡо) у алтайских тюрков см. также: А. Е. Ефимова. Телеутская свадьба. Материалы по свадьбе и семейно-родовому быту у народов СССР. Л. 1926, Сб. I; Анохин. Материалы, Сб. МАЭ, т. IV, 1924, стр. 9.

Текст 64

(Род Кечин, верховье р. Мрассу, ул. верхний Кечен)

ištebēn aḡnabān čatqan poltur — не работающим, не охотящимся [живущим] был. Этот рассказ отражает заключительный период шаманства, когда шаманство уже является профессией и когда шаман сам в производстве уже не участвует, а живет за счет общества («его кормят духи»).

tajḡaḡa šḡur, qaryḡ teriḡ aḡ quš aḡnar akelgen — его невестки поднявшись в тайгу, на мелких (каких попало) зверей охотясь, (их домой) приносили. Очень возможно, что это является воспоминанием о том времени, когда женщины участвовали в охотничьем промысле наряду с мужчинами, помогая мужчинам выслеживать и загонять зверя. Как правило, у шорцев женщина не участвовала в охотничьем промысле. Больше того, существовали строгие запреты для женщины в отношении промысловой территории, охотничьих орудий и промысловых зверей.

tösteri čibiskenner — духи съели. По существовавшим представлениям, духи могут съесть, загрызть человека. Шорская женщина из рода Кобый на реке Кобырсу в 1925 г. на мой вопрос, сколько у нее детей, ответила: *«aḡty paḡa polḡan, ol aḡty paḡadaḡ iḡini-le azyḡandym, törtün aḡna čir saḡdy* — было шесть человек детей, из шести детей только двоих вырастила, четверых айна съел». Семьи, в которых умирали дети, переезжали много раз с места на место, с тем чтобы укрыться от айна. В прежнее время, когда хотели сказать, что человек умер, говорили: *aḡna čir saḡdy* — айна съел.

Текст 65

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

pašqa kižini pistiḡ tajḡaḡa aḡnarḡa poḡatrānčabys — других людей не пускаем охотиться в нашу тайгу. Охотничьи угодья являлись коллективной собственностью. Старик рода Кобый рассказывал: «Встарину, еще при дедах наших, тайга будто была общая, каждый где хотел, там и промышлял, мы же промышляли каждый в своей (т. е. родовой, принадлежавшей роду) тайге; это же говорили старики рода Четибер, Кый и Карга.

У каждого рода (внутри рода у төл'я) были свои охотничьи угодья. Адрианов в 1881 г. писал: «У каждого рода есть своя тайга» (Путеш.

стр. 325; См. у него же: «Тайга в вершинах Кондомы принадлежит шорам (роду шор)» Путеш., стр. 199, 317; Кузнецкий край, стр. 292. О том же Вербицкий, Зап. за 1867 г., стр. 5). Из-за нарушения границ этих угодий происходили ссоры между отдельными родами и драки между охотничьими артелями. Дела о нарушении границ родовых территорий передавались даже паштыку (родовой суд). Ср. у А. Янушевича: «Куда ходили деды, отцы, туда и новое поколение, постепенно закрепляя за собой определенные охотничьи угодья. Если в эти места приходил „чужой“, то его выгоняли или отбирали добытую пушнину и отправляли в свой улус на суд стариков» («Обследование охотн. промысла Горной Шории». Материалы по изуч. Сибири, Томск, 1931, т. III, стр. 93; о том же: Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 317; Кузнецкий край, стр. 292). В чужую тайгу разрешалось идти только в годы невыхода зверя в своей тайге и то с разрешения того рода, которому эти угодья принадлежали (обычно это был род, откуда брали жен). О наличии границ охотничьих угодий см. у Миротворцева: «У инородцев не существует между собою разграничения прав на те или иные районы охоты. В одних и тех же местах можно встретить охотников с Мрассы, Кондомы и Абакана. Однако все же можно установить в общих чертах распределение охотничьих районов, к которым тяготеет население тех или иных мест» (ук. соч., стр. 24). В низовьях р. Мрассу, напр. улусе Томазак, населенном представителями различных родов, артели, составленные из представителей различных родов, промышляли в тайгах своего улуса (а не рода или төл'я).

pisteŋ kürçek ğirzär — палки (каюк) поедите, т. е. мы вас пообедем.

Запрет ломать кости убитых на охоте зверей вызван тем представлением, что для возрождения зверя необходимо требуется, чтобы в целостности сохранился его костяк. Несоблюдение этого обычая влекло, по представлению стариков, неудачу на промысле, уменьшение и даже полное исчезновение зверя. По этой же, вероятно, причине оставляли в тайге головы убитого сохатого (sŋp) и козла (kijik), повесив их на дерево.

selej — глухарь. Кость глухаря обычно бралась с собой на охоту, чтобы обеспечить удачу. Перья глухаря часто прикреплялись к изображению охотничьих духов: ucuŋan qan — летающий хан или qanattyŋ — крылатый.

toŋuŋzun || tooŋzun — пусть заполняет, наполняет (тайгу).

Текст 66

(Род Челей, верховье р. Томп, ул. Сыркаш)

orbun aŋ — шорское название улуса Сыркаш. Этот улус получил свое название от имени шорца Сыркаша, предка төл'я Сыркашевых, рода Четибер. Шорцы, особенно в южной части тайги, селились обычно маленькими поселками, состоявшими из нескольких юрт близких родственников. (См. у Вербицкого: «По обеим сторонам реки находятся не в далеком расстоянии

один от другого небольшие айлы от 3 до 5 юрт». Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 157). Такие поселки (аŋ), расположенные по берегам рек и ключей, состоявшие из членов одного рода или подразделения рода (төл'я) носили как правило имя старшего, обычно первого здесь обосновавшегося. («Несколько юрт, принадлежащих членам одного семейства, называются айлом; название айлу дается по имени старшего в роде». Риттер. Дополнения, стр. 487.) На ряду с такими крошечными поселками были селения в несколько десятков юрт (и домов), состоявшие из представителей двух или нескольких родов (по преимуществу в сев. части района). Эти поселки обычно получали название от названия местности. «На правом берегу р. Мрассы, при впадении р. Анзас находится улус Анзас Дальне-Каргинской вол. из 20 домов». Вербицкий, Зап. за 1862 г., стр. 157. Вербицкий в Зап. за 1863 г. (Прав. обзор., 1864, стр. 151) писал: «Название айлов зависит от старшего члена в роде. Если же несколько разных родов живут в одном месте, такое селение называется уже не айлом, а улусом. Улусы большею частью носят название реки, при которой они расположены, или зависят от некоторых особенных признаков, которыми отличается местность». О характере поселений, названиях, количестве юрт и т. д. см. у него же: «Кочевья инородцев Кузнецкого округа по рр. Томп, Мрассе и Кондоме», Пам. книжка Томск. губ. за 1871 г.; Зап. за 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1874 гг.; у Адрианова: Путеш. 1881 г., стр. 176—195; 1883 г. стр. 100, 103, 113.

ĉabaŋ aŋuŋ — худая, скверная болезнь. Так шорцы называли инфекционные заболевания.

ĉabaŋ nebe ajna akkelip tüzürtür — шаман скверную вещь, злого духа айну, приведя, спустил. Всякая болезнь приписывалась действию злых духов, в особенности инфекционные заболевания. Шаман, рассердившись на своих соседей, мог наслать на них злых духов (айна).

emde ĉoŋ poŋtur. — Осенью, как только выпадет снег (ĉan или ĉan-ŋaŋu || ĉan qaŋu) и замерзнут реки, мужчины отправлялись на промысел. Во многих улусах оставались лишь женщины, дети и старики. Мальчики 12—14 лет, а иногда и еще моложе, уходили на охоту со взрослыми.

emdaŋu || emdegi — находящиеся дома женщины, дети; более узкое значение: женщина, жена.

qajzy parybystyŋar — некоторые из них ушли. Многие переселения шорцев происходили вследствие заболевания и смерти того или другого члена семьи. Во многих местах тайги можно было встретить брошенные нежилые юрты, а иногда и дома: их хозяева откочевали после смерти кого-нибудь из близких, и никто другой не решался в них поселиться. Около таких заброшенных поселений, якобы, бродит айна, съевший умершего, он наверно съест и других здесь оставшихся или вновь поселившихся. Тут же бродят и юзюты — души умерших родичей, возвращающиеся и навещающие живых сородичей. Такие переселения были крайне разорительны

для шорцев. (См. о бросании улусов у Адрианова, Путеш. 1881 г.; стр. 186, 329, у Вербицкого, Зап. за 1863 г., стр. 13.)

nā čet — Новая земля, название улуса в верховье р. Томи.

saryg köl — Желтое озеро, название улуса на р. Томи (Косой порог).

čegē āl — Верхний улус, название улуса Чульджан в верховье р. Томи.

Название этого улуса происходит от имени шорца Чульджана, предка Чульджановых, рода Челей.

qadyg čyč — в значении голодный год. Во время гражданской войны в Сибири некоторые из шорцев из-за недостатка хлеба перекочевывали в Хакасию (обычные переселения шорцев «за хлебом» в степь). Многие переселенцы жили в работниках у богатых хакасов. Большинство перекочевавших шорцев позднее, в восстановительный период, вернувшись обратно.

Текст 67

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

pirge qattūžur — вместе соединившись, объединившись.

Отправляясь на промысел, охотники объединялись в артели. От охотничьего же стана они расходились промысливать обычно поодиночке или парами. Наиболее опытный охотник (*učug kiži*) считался *ražagčy* — руководителем, и все члены артели беспрекословно ему подчинялись. Артель состояла из родственников по отцовской линии (охотились в родовой тайге). С распадом родовых отношений принцип родственной (сохранявшийся значительно дольше в южн. части тайги) уступил в известной мере свое место принципу территориальному. (См. у Адрианова: «Когда выпадет снег и установится зима, начинается промысел за зверем. На этот промысел всегда ходят небольшими компаниями или отец с сыновьями или лица из одного улуса, состоящие в дружеских отношениях», Путеш. 1881 г., стр. 320.) Личные качества охотника при комплектовании артели во многих случаях имели решающее значение. Возрастной состав артели бывал различный, от подростков, только что начинающих промысливать, до глубоких стариков. Во время промысла члены артели жили в одном шалаше, занимая каждый свое определенное место. Часто артель сообща закупала огнеприпасы. Добыча делилась поровну между всеми.

См. об охотничьих артелях у алтайцев С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, Барнаул, 1900, т. I, стр. 99: «Повсеместным явлением, характеризующим как промысловую охоту, так и добычу зверя на личные надобности у алтайских инородцев, нужно считать применяемое ими артельное начало. Правда, некоторые виды звероловного промысла не могут производиться без участия двух или нескольких лиц (охота «гонами»), но и там, где охота в одиночку, повидному, не представляет потери, и там инородцы стремятся соединиться в артели из 5—10 и более человек. Объясняется это, конечно, самыми условиями данного промысла, затруднениями и опасностями, заставляющими промы-

шленников соединяться по несколько вместе и гарантировать себя от возможных случайностей. Неодинаковый состав артели в значительной степени зависит от чисто местных условий промысла, больших или меньших бурянов, метелей, трудностей в передвижении. Местожительство промышленников не имеет никакого значения при составлении артели, т. е. в одну и ту же артель часто входят жители различных аилов, а жители одного аила в разные артели».

teč üleš — равная доля. Этот обычай, который восходит своими корнями ко времени первобытно-общинного строя, стал использоваться позднее шорскими богачами для эксплуатации своих бедных сородичей. Сохранились только название и форма этого института, его же социальное содержание коренным образом изменилось. Бедный охотник, не имея с чем идти на промысел, отправлялся к богачу, и тот снабжал его огнеприпасами (иногда даже ружьем и капканами), запасом продовольствия, иногда и средствами передвижения, с тем чтобы по окончании промысла получить от промышленника половину добычи (*orta polüš*). Другую половину охотник обычно также отдавал тому же богачу по назначенной этим богачом цене. Иногда богач сам просил тех или других искусных охотников пойти на промысел на условиях *orta polüš*, снабжал их необходимым снаряжением и забирал половину пушнины. См., напр., у Юхнева, назв. соч., стр. 102: «Богатые инородцы не идут на звероловный промысел сами, а посылают от себя опытных и хороших охотников, которых снабжают всяким необходимым припасом: порохом, свинцом, талканом, курутом, солью, маслом, а если случится нужда, то и одеждой. Им дают лыжи, хорошее ружье, также одну или двух лошадей под съезд, т. е. на время промысла... По окончании охоты происходит дележ продуктов на 2 части, между богатым инородцем — хозяином и собственно промышленником».

Текст 68

(Род Челей, низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

Обычай выделять часть добычи даже тому, кто просто оказался на месте промысла или встретился в пути, широко был распространен у охотников шорцев и несомненно является пережитком господствовавших раньше первобытно-общинных отношений. Встарину случайно присутствовавший при коллективной охоте или подошедший человек наделялся мясом. Охотник, шедший с добычей, повстречав в тайге неудачливого охотника, делился с ним своей добычей. Если двое охотников нападали на след зверя и если шедший сзади настигал первого, когда тот еще не убил зверя, добыча делилась пополам; если охотник встречал другого до того, как он выстрелил в зверя, убитый зверь делился пополам. Ср. обычай *učam reg* — мою долю дай, у тубаларов (*uča* — букв. спина, бедро; в культе — лучшая часть жертвенного животного, Вербицкий, 407; *uča* — мясо дичи, которое получает человек, встречающий охотника, застрелившего животное, но еще

не снявшего с него кожу [если животное не съедобное, тогда он получает даже шкуру], Радлов, Опыт словаря, 1722) и обычай «южа» — у тувинцев. «Находка, убитая добыча, кроме пушнина, добыча воровского промысла, пишет Яковлев, составляет (у тувинцев) принадлежность лица или лиц, затративших известную долю труда. Но если случайный встречный или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет „южа“, то добыча поступает целиком или значительной частью в пользование этого случайного встречного... И со словом „южа“ первый встречный волен отобрать добычу, за которой другой гнался несколько дней. Преступивший сказанный обычай подвергается определенному наказанию по суду 40—60 ударов палками» (Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины реки Енисея, Минусинск, 1900, стр. 66—67. См. также Ф. Кон, Собр. соч., т. V).

tag ezi taruŋa — хозяин горы сердится. См. такое же воззрение у тувинцев: «Все земное находится, по старому представлению тувинцев, под особым покровительством духа неба и земли — «оран телегей». Звери в лесах, рыба в водах, все это скот «оран телегей», поскольку он допускает того или другого человека к убийству из своего стада, постольку он покровительствует этому человеку... И так, на промысле за дикими произведениями природы: зверем, рыбою, кореньями..., трудовому началу не отводится значительной роли, руководящая роль принадлежит случаю, а следовательно благоволению божества: „тебе оран дает, а ты почему не дашь; сегодня тебе дал, завтра мне даст!“» (Яковлев, назв. соч., стр. 67).

Текст 69

(Род Четлибер, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

qaŋuŋanar. — Гonom охотились на марала, оленя, козулю и лося. Животное гнали на лыжах по глубокому снегу или по насту до тех пор, пока оно не падало в изнеможении на снег, и убивали палкой от лыж или закалывали ножом. Лось старались убить из ружья. В прежние годы дикие козы подходили к самому улусу Томазак; коз гнали или на лошадях, когда снег не был очень глубоким, или на лыжах. Точно так же, заметив след козули в тайге, охотник гнался за нею до тех пор, пока она, обессилев, не падала. Охотник убивал замученное животное палкой (küŋcek, kürek). Гоняли на лыжах по рыхлому снегу лисицу, гonom охотились на росомуху и рысь.

edin terege ŋuŋar kel — в шкуру обернув. Прообраз волокуши — sörtkе, в которую охотники завертывали добычу, а также везли на промысел продовольствие и охотничье снаряжение.

tarqan et — букв. найденное мясо.

raga или sajur — сеть на выдру. На выдру охотились в тайге и зимой и летом. Ее убивали из ружья, подкараулив у прорубей, в полыньях рек (зимой). Напав на след выдры, ставили самострелы и капканы (летом).

Коллективно в осенний период охотились на выдру сетью «рага». Выследив с собаками выдру, ставили на речке две загородки. Одна загородка была сплошной, в другую, которую устраивали ниже первой по течению реки, помещали сеть-рукав (рага). Один из группы охотников вставал около сети, другой (с ружьем) у верхней перегородки, остальные двигались по берегу, ударяя по воде палками. Выдра бросалась вниз по течению и попадала в сеть; если она плыла вверх, то ее убивал охотник у верхней перегородки; если же она выходила на берег, ее хватали собаки или убивали идущие по берегу. С сетью охотились на выдру и вдвоем.

Текст 70

(Род Карга, низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Бельсу — приток р. Томи в ее верховье; pel suŋ — таймень-вода, таймень-река, т. е. река, в которой водятся таймени.

engenerde ~ engennerde; см. также uŋanarda ~ uŋannarda.

Человек, который хоть один хвост бежки от товарищей утаит, нехороший человек. — Утаить пушнину, добытую при артельной охоте, считалось позорным поступком для шорца. Этот рассказ отражает обычай шорцев, связанный с первобытно-общинными отношениями в охотничьих артелях, а именно равный дележ добычи, независимо от выполняемой работы. См. о том же у алтайских тюрков: «По окончании промысла артель производит раздел добычи, т. е. шкурок, поровну на каждого участника артели, вообще на каждое ружье, и в этом отношении инородцы, отправляясь на промысел лет с одиннадцати, сразу же получают полный пай. На вьючные лошади, вывозящие продукты из тайги, никакого пая не идет. В раздел идет сама пушнина добытого зверя, или предварительно продают пушнину и затем делят деньги» (Швецов, назв. соч., т. I, стр. 98).

Текст 71

(Род Шор, р. Кондыма, ул. Осипники)

satyŋ-ŋöŋceŋner — торгун ходили. Торговля была основана на местном посредничестве. Шорские торговцы получали кредит у русских купцов и им же сдавали выколачиваемую самым хищническим способом (обвеиванием, сплаванием и т. д.) у своих сородичей пушнину и орех. Ядринцев пишет: «Около Кузнецка есть весьма зажиточные татарские селения и даже богачи из татар, усвоившие русский комфорт. Свои состояния они приобрели благодаря торговле и посредничеству с отдаленными и более чуждыми инородцами лесов» (Сибирские инородцы, стр. 93). См. у Адрианова: «Инородцы жители Осипников, богатство которых исчислялось десятками тысяч, уже не промышленляют, а скупают пушнину через своих агентов, разбросанных в разных пунктах черни» (стр. 318—319) и у Вербицкого:

«Между инородцами, как и везде, есть богатые и бедные. Последние одолжены первым и находятся у них в качества приказчиков. Все, что добудет бедный инородец, сбывает своему богатому собрату, весьма за умеренную цену, а этот уже доставляет своему тавыну — приятелю из купцов также с небольшой пользой». (Алтайские инородцы, стр. 17). Также у Швецова: «Вообще в эту горячую пору (во время добычи ореха) происходит усиленная деятельность как среди самих орехопромышленников, так и среди скупщиков продуктов промысла — многих мелких и крупных торговцев. Последним приходится готовиться к промыслу, пожалуй, даже энергичнее, так как для них период орехового промысла является самым серьезным моментом коммерческих операций: им представляется собрать долг с должников, проехать всю чернь вдоль и поперек, и прежде всего заготовить для промышленников весь необходимый для него товар, и действительно в чернь свозятся громадные запасы товаров, начиная с мелочных предметов, ножей, обуви и проч. и кончая партиями живого рогатого скота, пригнанного на убой» (стр. 24).

тавар — ст русского слова товар. Товаром шорцы обычно называли покупную матерью.

amnat ~ abanat. О долгах см. у Юхнева: «В черневой части (у северных алтайцев) белку быст больше „подрядную“, т. е. когда на год под будущую добычу промышленник берет деньги и товар. Назские торговцы появляются в всябрье месяце и задают промышленнику все необходимое... Нужно не забывать, что такой торговец, по его собственному показанию, должен в то время, когда рассчитывается за старый долг, и что такое дело идет из года в год» (стр. 109, 33).

quziq alšepner ~ alšapnar. Ореховым промыслом по данным 1900 г. было занято 31.5% хозяйств на р. Мрассу и 28.2% — на р. Кондоме. (Миротворцев, ук. соч., стр. 25; Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 319). Орех попадал в руки скупщиков и вывозился из тайги в большом количестве. Он шел почти целиком в уплату долга. «Мед и орехи при всем их обилии в иной год не служат для инородца пищевыми средствами — они составляют собственность кулаков скупщиков из своих же инородцев или русских, которые вперед зададут товар или деньги под орех, мед и воск и потом уже их взыскивают» (Адрианов, там же, стр. 309). «Зверинные шкурки и орехи кочевые инородцы, по заведенному издавна порядку, сдают своим зажиточным собратям по обоюдному условию, а те привозят и продают уже торговцам в Кузнецк» (Журн. МВД, 1858, V, стр. 16; см. также Адрианов, стр. 318).

saɣuŋsu — речь идет о торговце Н. Куртугешева в улусе Осинники. «Эту деревню, т. е. Осинники, знает вся чернь, потому что находится у нее, т. е. у торговцев этой деревни, в кабале; из года в год чернь работает и промышляет на осиновских богачей, которые задают своим крещеным и некрещеным сородичам деньги под будущий урожай ореха по 60—80 коп. за пуд с тем, чтобы за каждый недоставленный пуд орехов в срок в будущем году доставить два; чаще всего и охотнее всего дают в долг не деньги,

а такой ходкий у инородцев товар как водка, табак, порох и пр., разумеется по баснословной цене... Подобно орехам покупают мед, воск, белку и вообще зверинные шкурки и с такой же неустойкой» (Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 174).

Адрианов следующими словами характеризовал шорских баев — торговцев: «Теперь он забыл об интересах, общих его роду, и знает только свой интерес, свое богатство, основанное на обирании своих собратов... Сбывать в тайге низкопробную водку, задавать товар под орех, пушнину, мед и воск и скупать их за бесценку или брать двойные неустойки, промышлять хищническим золотом — сделалось любимой его профессией. Он так сдружился с русским торговцем, что составляет с ним компанию, союз для обирания сородичей, служит ему переводчиком, помощником и самым надежным посредником, знающим обычаи страны. В крещении он нашел средство избежать кары за преступление, — он крестится, когда это выгодно ему» (Кузнецкий край, стр. 299—300).

Текст 72

(Род Четибер, низовье р. Мрассу)

aštapaŋar — голодают. Особенно тяжелым был для таежного шорца период весны, когда жалкие запасы хлеба, полученного с крошечных нашен, а в большинстве взятого в долг от скупщика под пушнину и орех, истощались и когда кандык и другие дикорастущие растения еще не появились. См. у Вербицкого: «У многих инородцев к весне не остается ни муки, ни ячменя и они питаются тогда единственно только корнями полевых лилий кандыка и сараны» (Зап. за 1863 г., Прав. обзор., 1864, стр. 148).

paɣ aɣa kelšep. — Скупщики старались приехать сами или прислать своих приказчиков как раз к моменту возвращения промышленников с добычей из тайги, чтобы захватить пушнину. См. Юхнев, Горный Алтай, стр. 35: «Ему (промышленнику в тайге) не нужно везти продукт домой, потому что легче и удобнее сбыть его здесь же на месте промысла. А если ему понадобится даба, хлеб, свинец, все это доставит тут же более предусмотрительный человек, который задолго до выезда в чернь объедет все аулы и селения и снабдит инородца необходимыми продуктами. Под будущий урожай он даст ему денег, а если инородец откажется, будет предлагать и навязывать до тех пор, пока тот не соблазнится всеми выгодами этой простой операции. А затем он приобретает над ним те громадные права, которые навсегда закабаляют его в руки этого всемогущего царя глухой тайги».

amnatqa šuššep ~ tüššep — в долг попадал. См. у Миротворцева: «Благосостояние первых, торговцев низовья р. Мрассу, всецело создано эксплоатацией последних, охотников верховья этой реки. Первые — торговцы-кулаки, вторые — вечные должники-покупатели» (Южн. часть Кузнецкого имения, стр. 26).

Текст 73

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

rajlanaq ~ rajlaḡannaq. — См. у Ядринцева, назв. соч., стр. 94: «В торговлю кинулись зажиточные крестьяне и кузнецкие оседлые инородцы, нажившие богатства. В Кузнецком округе эти торговцы татары, крещеные и некрещеные, заменяют русских торговцев, не уступая по жадности и бесцеремонности наживы самым отчаянным кулакам».

Текст 74

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

ḡatḡaḡan ~ ḡatḡatqan.

aḡa iṣ-re. — Задолжавшие охотники, будучи не в силах расплатиться с богачом, должны были отрабатывать долги. Они работали в хозяйстве богача, наряду с его батраками.

Текст 75

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

raḡuṣ — русск. барыш. Как правило, торговцы за данную охотнику в долг вещь получали значительно дороже ее стоимости. Кроме того, богачи давали деньги под ростовщические проценты. Особенно часто охотники прибегали к займам в наиболее трудную минуту — уплаты ясака. Были богачи, которые улачивали ясак за всю волость и таким образом закабляли охотников, присваивая ежегодно их труд. Вербицкий следующими словами характеризовал этих торговцев: «Общий их порок — лихоимство, без больших процентов не ссудит бедного» (Христ. чтение, 1862, стр. 553).

Текст 76

(Род Четибер, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

tomazaḡtuṣ rajlary — богачи ул. Томазак, т. е. Мысков. В этом улусе, как и в соседнем улусе Красный Яр (qyzyl ḡar), было несколько очень крупных богачей (напр. Тодышевы). Об этих богачах Радлов писал (Aus Sibirien, Leipzig, 1884, стр. 348): «Большая часть жителей Красного Яра занимается торговлей. Эти торговцы ведут торговлю скотом и товарами в верховьях реки Мрассу, богатство этих селений свидетельствует о том, что торговля эта выгодна».

tom-azaḡ — букв. нога Томи; azaḡ — место, где что-либо кончается; ср. artuḡ-azaḡ — «конец переката и начала плёса на реке».

tanyṣ kiḡilerge — приятелям, знакомым людям. Торговцы (купцы) гор. Кузнецка (реже Томска) сами не ездили в глубь тайги. Они имели в ближайших к Кузнецку шорских селах (прежде всего в Абинцах) приятелей-танышей. Они давали этим своим танышам товары, которые те, проникая в самые отдаленные углы тайги, и обменивали на пушнину и орех. Затем, когда эти таныши сами наживались на этих торгово-посреднических операциях, обосновывались в своих селениях как 'бап' или даже как 'кожайын', они продолжали свою ростовщическую торговлю уже при помощи своих танышей или работников. Каждый богач обыкновенно имел в тайге свой определенный район, где он скупал пушнину у шорцев или сам или при посредстве своих родственников или приятелей-приказчиков. См. у Вербицкого, Алтайские инородцы, стр. 17: «Обороты (торговые) происходят следующим образом: осенью таныши являются к своим купцам с боченком вина и после благожеланий с обеих сторон распивают его, без чего никаких операций торговых здесь не бывает и быть не может. По угощении купец ведет танышей своих с их женами и детьми в свою лавку. Таныши набирают товар, какой поглянется, каждый от 100—300 рублей серебром, укладывают во вьюки, заходят опять в дом к купцу, справляются с боченком, и на прощанье, кроме товара, еще получают денег по 50 рублей и более, смотря по состоянию, для собственных оборотов. Чем проще купец держит себя в обращении с инородцами, тем более у него танышей, а чем более последних, тем успешнее идет его торговля. Таныши, возвратясь в свои кочевья с деньгами и товарами, раздают и то и другое своим приказчикам в долг же. Между тем время идет, вот высыпает и снег, шубка на каждом звере делается пушистее и ценится дороже...» Многие шорские торговцы уже не довольствовались торговыми связями с Кузнецком и Томском и сбывали скупленную пушнину на ярмарках в Ирбите.

tük maḡ — букв. пушистый или шерстистый скот.

qaḡanu aḡmaq — последний улус, т. е. улус наиболее близкий к месту промысла. До последнего улуса охотников и их припасы часто довозили на лошадях, туда же обычно ездили встречать охотников. Там же собирались скупщики, чтобы во-время захватить охотника с пушнинной, спонть его и забрать у него на месте за бесценок пушнину. Нажившиеся торговцы собирали сами пушнину обычно только из ближних районов. Они рассылали по тайге своих работников, которые за инценскую оплату должны были рыскать по тайге и перехватывать охотников на таежных тропах, чтобы успеть забрать за долг их пушнину прежде чем те попытаются сдать ее «чужому» богачу. Богачи посылали также собирать пушнину приказчиков (на процентах), своих танышей, которых снабжали деньгами и товарами. Такие пустившиеся в посредническую торговлю шорцы часто раззорялись предприимчивым и ловким баем, который при их возвращении сбавлял цену, назначенную при их отправке. Из числа этих же посредников вырастали новые эксплуататоры.

Текст 77

(Род Карга, ул. Сага, р. Мрассу)

qurğystar — киргизы.

С киргизами с давних пор приходилось сталкиваться шорцам. Киргизы считали шорцев своими данниками-киштымами. «А киргисские же князья, говорится в акте от 1643 г., сказали кузнецким служилым людям, что мрасские и кондомские ясашные люди — киштыми их киргизские... и пришли де к ним кормиться» (Ивн. Кузнецов. Исторические акты XVII столетия. Материалы для изучения Сибири, 1890, стр. 8). И, действительно, шорцы принуждены были уплачивать киргизам албан — дань и терпели от них жестокие притеснения. Так, Миллер в 1750 г. писал: «Кузнецкие татары не знали еще над собой никакой чужой власти и жили в природной своей вольности, кроме что иногда киргизы, яко хищный народ к их жилищам подъезжали и тогда сие татары откупались у них подарками... для освобождения себя от полону или от горшего еще злочючения» (Описание Сибирского царства, СПб., 1750, стр. 417). Но у киргизов и шорцев был общий враг — царское правительство, против которого они объединялись. Так, отрядам казаков, отправляемым за сбором ясака к кузнецким татарам, приказывали: «Учините крепость, чтоб кузнецкие люди, с киргизскими людьми соединясь, служилых людей не побили» (1610). Исторические известия неоднократно упоминают о совместных действиях кузнецких татар-шорцев и киргизов, заинтересованных в судьбе своих данников, против русского правительства. В донесениях 1610 г. говорится: «И велели де, государь, им (кузнецким татарам), киргизские люди о том весть учинить себе, как твои государевы служилые люди придут в кузнецкие волости для твоего государева ясаку, а киргизские де хотят быть с ними по вестям в кузнецы и, с кузнецкими людьми соединясь, хотят побить заодно твоих государевым служилых людей» (Миллер, стр. 421—428). Эти совместные оборонительные действия часто переходили в открытые нападения на русские крепости. Так, «государевы изменники, киргизские и ясашные люди... и кузнецкие люди приходили войной на Томск в 1614 г.» (Миллер, стр. 451).

sağ çanpaç — из страны Сага. Имеет значение: сагайцы и сагайская степь.

köbür suğ — букв. уголь-река, угольная река.

tajas ~ tajys — букв. мелкая (река), приток р. Кобырсу.

tuga — изба, город, туга; aba tuga — называли шорцы в прежнее время город Кузнецк (Сталинск).

Sağa — улус на берегу р. Мрассу выше устья Анзаса (sağa — широкая площадь берега, которую огибают река, косогор).

maı-quş — скот-птица, в значении: весь домашний скот. Ср. aң quş — зверь-птица, промысловые звери, добыча.

qurğystar şyqqan çabal qaja. Названия некоторых местностей в горной Шории связаны с пребыванием там или с набегом туда киргизов. Так, в верховье Томи есть болотистое место, которое местные шорцы называют qurğystar ködrezi — болото киргизов. По р. Кобырсу, недалеко от ее впадения в р. Мрассу, шорцы рода Кобый, указывая на тропинку между горами, называют ее qurğys şyqqan çol — путь, по которому шли, поднимались в гору киргизы.

Текст 78

(Род Кый, ул. Палыкташ, Хакасск. авт. обл.)

aqqs ~ aqsys ~ asqys — название реки, впадающей в р. Абакан.

Текст 79

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

Этот рассказ указывает на давность земледелия в тайге. Упоминания о земледелии имеются и в исторических актах. См., напр., донесения 1622 г.: «А около Кузнецкого острогу на Кондоме и Бр... се (Мрассе) реке стоят горы каменные великие, и в тех горах емлют кузнецкие есашные люди каменя... а живут они в горах, а на горах растет всякий лес и тот лес расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю» (Сборник Хилкова, СПб., 1879, стр. 191). О земледелии у шорцев см. у Вербицкого: «Хлебопашеством занимаются мало и допотопным образом: роют землю абылом, вроде закругленной мотыги; сеют пшеницу и ячмень. Уборка этих хлебов производится так же, как и льна: растение выдергивается с корнем. Собранный хлеб связывается у колосьев в небольшие пучки...» (Зап. за 1861 г., стр. 27); см. также Риттер, Дополнения, стр. 486—487; Адрианов, Путеш. 1881 г., стр. 194, 195, 316; A. Radloff, Aus Sibirien, стр. 300; Миротворцев, Южн. часть Кузнецкого имения, стр. 18—20 и др. Земли (склоны гор), годные для пашни, принадлежали всему роду, пользовались же ими отдельные тóлн этих родов и позднее индивидуальные семьи. См. у Вербицкого: «Несмотря на то, что женатые члены семейства живут каждый в своей юрте, каждый располагает своею полосой, засеянной ячменем, для насущного пропитания» (Зап. за 1864 г., Прав. обзор. за 1865 г., стр. 155; о том же Radloff, Aus Sibirien, стр. 357).

taptıyp — заставляя найти (хлеб). См. исторический акт, относящийся к 1675 году: «Были во всех волостях на Кондоме реке... белые калыки и из ясашных людей имали на себя алманы ячменем и соболями и всяким зверем и железом и кожами красными» (Дополнение к актам историческим, т. VII, стр. 332); также шорское предание, согласно которому живший около горы Каракуш князец Аржан, владевший двенадцатью волостями,

платил джунгарскому или ойротскому хану алман железом и толокном ячменным (Вербницкий. Зап. за 1865 г., Прав. обозр., 1866, стр. 74).

uŋan — берестяной чан, куда складывают хлеб на зиму. Шорцы часто оставляли на зиму зерно на пашнях, ссыная его в берестяные чаны, поставленные на деревянных помостах.

šejne ~ šendi bažu ~ šeŋe ~ šeŋme ~ šegene — пион (*Paeonia anomala*).
maŋturgan || paŋturgan — борщевник (*Heracleum*).

Между прочим, эти растения употреблялись в пищу вплоть до Октябрьской революции бедными шорцами. См. также у Вербницкого, Алтайские инородцы, стр. 15: «Люди бедные в летнее время питаются одними только кореньями и травами, кандыком, сараной, корнем *Paeonia anomala*, борщевником *Heracleum*, травой кежуне (вроде дягиля) и колбою (*Allium ursinum*)».

Текст 80

(Род Кобый, ул. Анжуль, Хакасс. авт. обл.)

Легенды об уходе киргизов в связи с появлением деревьев существуют в большом количестве и у абаканских тюрков. (Ср. Катапов, Алф. указ., стр. 6, 26.)

Текст 81

(Род Кобый, р. Кобырсу)

qobujdaŋ. — Кобый является одновременно и названием рода и названием территории, им занимаемой. Род Кобый, как и другие роды южной части Горно-Шорского района, где сохранилось значительно больше пережитков родового строя, был расселен в основном на одной определенной родовой территории, по реке Кобырсу. Ср. у Адрианова: «Каждый род занимает какой-либо район, и если занимает место обитания другого рода, то только отдельными семьями» (Путеш. 1881 г., стр. 325) и у Георги: «Каждое колено живет особо и в своих собственных рубежах» (о кузнецких татарах в 1799 г.; ук. соч., стр. 141). Часть этого рода живет и в Таштыпском районе, в юго-западной Хакасии. Между прочим, среди сагайцев имеется также род Кобый. Управа, позднее волость, в ведении которой находились члены рода Кобый, сохраняла родовое название Кобыйская.

tum — русское слово дума. Рассказы об общих «думах» шорцев и абаканских тюрков являются воспоминанием о бывших тесных взаимоотношениях между населением тайги и их соседями — степняками.

Текст 82

(Род Кобый, ул. Анжуль, Хакасс. авт. обл.)

töö — приток реки Абакана.

paštyq от paš — голова; pašta — руководить, начинать, предводительствовать. Должность паштыка, бывшая некогда выборной, ко времени русского завоевания стала уже наследственной (с 1880 г. стала вновь выборной). Некогда весь род (все взрослые члены) выбирал паштыка, руководствуясь его личными качествами: умом, ловкостью в звероловном промысле, опытом, красноречием и т. д. Паштык был «защитником интересов и кровных нужд рода». Некоторые подробности выборов паштыка, сохранявшиеся еще в конце XIX и нач. XX века (Кобыйский šon), указывают на былую свободу выборов, на избрание всеми наиболее опытного и уважаемого сородича. Выбирать, назначать паштыка — paštyq tudarğa букв. означало: хватать, держать паштыка. На собрании всего šon'a (в данном случае рода Кобый) называлось имя кандидата. Кандидат должен был долго и настойчиво отказываться и называть имена более достойных кандидатов. Если же собрание настаивало, он должен был бежать. Все бросались за ним, догоняли. Каждый должен был ухватиться за него. Тогда кандидат опять долго отказывался. Толпа кричала и не выпускала избранника. Тогда избранный, видя, что «все держатся за паштыка», кланялся и говорил: «še, andığ poŋanda šonniŋ uŋın ištejin! — ладно, коли так, то послужу я за народ!» Царское правительство постаралось сделать из паштыков своих чиновников. Им были поручены сбор ясака и разбор мелких судебных дел. Паштыки, с тех пор «родовые только по названию» (Миротворцев, 13), наживались на сборе ясака, на судебных взятках и т. д. Освобожденные от уплаты ясака, обслуживаемые даровым трудом своего šon'a, они сомкнулись как с русскими чиновниками, так и со своими торговцами, стали эксплуататорами своих сородичей. (См. царскую грамоту Кузнецкому воеводе Федору Баскакову, о пожаловании мрасского улуса татар Кунестея Изерекова князьцем, а Карачая Инлычакова ясаулом, за их службу. Акты исторические 1842, кв. IV, стр. 148.) О паштыках этого периода, эксплуататорах и угнетателях своего народа, писал Адрианов в 1881 г.: «Башлык потерял прежние привилегии и сделался орудием в руках русской земской власти; звание башлыка или, попросту, старосты, не наследственно теперь, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом не самостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника. Башлык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа» (Кузнецкий край, стр. 294). Когда миссионеры стали распространять свое влияние на Кузнецкую тайгу, паштыки оказывали на первых порах им упорное сопротивление. (См. у Вербницкого: «Старшины просят от крещения народ их освободить», Зап. за 1869 г., Душепол. чтение, 1871, № 7.) Миссионеры добились отмены наследствен-

ного права паштыков (1880). Должность паштыка стала выборной (на 3 года). Затем они добились распоряжения о назначении паштыков лишь из крещеных шорцев (1897) («О. Макарий всегда ходатайствовал перед начальством, чтобы новокрещенные инородцы управлялись башлыками крещенными же», Зап. за 1860 г., стр. 8). Паштыки сомкнулись и с миссионерами и способствовали христианизации своих сородичей (см. у Вербицкого: «Все лучшие люди, напр. башлыки и другие, непременно крестятся», Зап. за 1874 г.). В 1912 г. вместо родовых соп'ов, несмотря на сопротивление и недовольство шорцев, были образованы волостные управления, а паштыки заменены старшинами.

uſ-emſek — название горы в Хакасской авт. обл., букв. три соска (грудн).

taſ tajyſ — родовое жертвоприношение горам. См. Катанов, Образцы, т. IX.

čazydaſſy qobyjlar — кобыльцы, находящиеся в степи.

čyſtaſſy qobyjlar — кобыльцы, находящиеся в тайге.

На родовое жертвоприношение сходились вместе таежные и степные кобыльцы, и здесь же они обменивались своими продуктами. Духу горы таежные кобыльцы приносили в жертву рыбу и кандык, а степные — продукты скотоводческого хозяйства. Это предание указывает на зачатки натурального обмена у шорцев. Исторические источники XVII—XVIII вв. говорят о развитом обмене между шорцами и соседними племенами, от которых шорцы получали продукты их скотоводческого хозяйства (лошадей, коров и овец, тулупы и войлоки) в обмен на железные изделия (панцыри, бехтерцы, котлы и абылы). Это же подтверждают путешественники XVIII в. Так, Паласс сообщает о том, что шорцы связки корней кандыка меняют на молочные продукты (ук. соч., 489). И значительно позднее шорцы ездили «в степь» обменивать мед, воск, орех на хлеб, овчины и согумов. Русская торговля, развивавшаяся в половине XVIII в., имела также, особенно на первых порах, характер обмена. Шорец на пушнину выменивал завозимые в тайгу товары.

Текст 83

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

qazaq — синоним русского. Первые русские, с которыми встретились шорцы, были казаки.

oſgot qān — очень возможно, что эта легенда является отголоском сражения русских с калмыками, которые, так же как и киргизы, совершали набеги на шорскую тайгу. См. у Миллера: «Некоторые же (кузнецкие татары), упорствовавшие в своей покорности и заплатившие ясак (русским), были жестоко наказаны калмыками, которые увели их женщин и детей, а частью попленили их самих, частью же наложили на них вторую дань,

потребованную готовым железом... и всякого рода мехами». Sammlung, т. VIII, 162, 295; о том же см. Акты исторические, кн. IV, стр. 59. Ср. легенду о нападении ойронов у Вербицкого (Зап. за 1867 г., Прав. обзор., 1868, стр. 4).

tüſſen ~ tüſken.

qoluſ ~ qolluſ.

Текст 84

(Род Челей, верховье р. Томи, ул. Сыркаш)

oſča — лук. Исторические известия и путешественники XVII—XVIII вв. неоднократно упоминают о луках и стрелах у шорцев. По количеству луков определялась даже численность родов. Так, Паллас (Путешествие, 1786 г., ч. III, стр. 508) указывал, что «кобыльское поколение состоит из 53 луков, а каргинское — из 40» (имея в виду часть рода Кобыль и Карга, живущих в юго-западной части Хакассии). Георги (Описание, стр. 162) писал об абинцах: «Они разделяются на несколько аймаков или колен; но все вообще платят подать только с небольшим за сто луков или душ». Г. Миллер (Описание сибирского царства, 1750, стр. 417) сообщал о кузнецких татарах, «что иногда киргизы, яко хищный народ, к их жилищам подъезжали и тогда сии татары откупались от них подарками, давали им своей работы котлы, таганы, стрельы». Луки же брали от кузнецких татар и русские завоеватели в ясак «в соболей место» (Акты исторические, т. III, стр. 374). Луки с сайдаками и стрелами упоминаются в отписках и рапортах (см., напр., Потанин, Материалы для истории Сибири, стр. 81, 89, 99—100). Ружья, фитильные и кремневые, сменили лук и стрельы, но они употреблялись до последних лет, при охоте на мелких зверей и для стрельбы в рыбу (см. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Зап. РГО по общ. геогр., т. XI, СПб., 1888). Лук и стрельы сохранились в детских играх и в культе. О луке на могиле умершего охотника см. Вербицкий, Зап. за 1863 г., стр. 7.

Текст 85

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

mystaſ ~ puſtaſ — лед = гора, ледяная гора, одна из наиболее высоких и наиболее почитаемых гор.

qalyq tajyaya-tezip — убежав в тайгу. О случаях бегства данников от сборщиков ясака и албана имеется ряд исторических известий. Так, в историческом акте от 1675 г. говорится, что «из Кондомских и из Мрасских волостей, не хотя великому государю ясаку платить, от ясажного сбора бегали» (Дополнение к актам историческим, т. VII, № 72, стр. 335). В донесении от 1752 г. указывается, что «Мрасской волости башлык

(паштык) Ебога со своей волости алману за 7 лет не отдавал, и бегают от них (калмыков) со своей волостью» (Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. М., 1867, стр. 67, 90, также в рапорте 1745 г., стр. 86).

tebir (temir) — железо. Исторические известия и остатки рудных разработок говорят о добыче и обработке руды, широко практиковавшихся в прошлом в кузнецкой тайге. Так, в сибирских летописях, в актах и донесениях XVII и XVIII вв. указывается: «Вверх Томи же реки острог Кузнецкий, тамо варят железо, железо же земли тоя добро» (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1769, стр. 403). «Пленный поляк, возвращенный из Кузнецов, поведаши ми чудеса об обилии железа доброго у оных людей, кои постоянно и искони недаром добыли себе: это ими и зовутся Кузнецы. Он рассказывал, яко тамо живут некие пугливые и странные люди народа татарского, Кондобская и иные некие орды. Копают железо и коуют железные горны, котлы, меденники, малые и великие. Како коли кто запросит, хотя бы по величине самую большую кадь, а коуют за малу цену: дай ему ячменя мех и он тебе даст железен горн или меденник. А железо оно есть предне добро» (Русское государство в половине XVII в., рукопись времен царя Алексея Михайловича, открыл и издал Бессонов, М., 1860, стр. 60).

Железо с кузнецкого Алатау шло в уплату дани киргизам и калмыкам: «а теми кузнецкими людьми всеми, говорится в донесении, владеют колмацкие люди, ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным» (Сборник Хилкова, стр. 191).

Посланыи русского царя также забирали в ясак железные изделия. В донесениях сообщается: «На 148 год кузнецкого уезду с ясачных людей взято за двадцать за девять соболей лук телеской, шапка, да двадцать один таган железный и оставлены в кузнецком остроге» (Акты исторические, т. III, № 216, стр. 374).

Способ выплавки руды был и оставался до конца XVII и половины XVIII в., времени полного прекращения добычи железа, крайне примитивным: «кузнецы же словут, потому что ясачные люди государские тамо живут по берегу Томи реки и иных тамошних рек, трех терсий каменней берут и жгут, плавят железо и коуют вместо наковальни на камени ж, а железо то кузнецкое и уклад велми добр и мягко железо аки свище» (А. Титов, Сибирь в XVII веке, стр. 76, также: Сибирские летописи. Описание Сибири. Изд. Арх. Комиссии, 1907, № 382). См. о примитивном способе обработки железа: (на р. Кондоме) — Gmelin, Reise durch Sibirien. Göttingen, 1751, т. I, стр. 286; (на р. Томе) — Георги (1799), ук. соч., стр. 163. Кузнечество существовало у шорцев наряду с охотой и мотыжным земледелием. См. Георги: «Промыслы их состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и землешапстве» (стр. 162); Риттер: «Главный промысел их был звероловство и плавка железа» (по рук. Плаутинна, 1745 г., стр. 486).

Текст 86

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

Крылья делили. Легенды о дележе перьев орла или беркута известны и у других шорских родов. Спор при дележе орлиных перьев отмечен также в sögüš — насмешках над отдельными родами. См. также Вербицкий, Словарь, стр. 158, о роде: Кый «qyjǵuyn čügüzün taǵazur, qyǵlar kečim altyn ǵa kirgen — споривши об орлиных перьях, кыйцы забились под кичим». (Ср. песню тувинцев: «Как на макушке гнилой лиственницы осталась твоя стрела, снабженная орлиными перьями». Катанов, Образцы, IX, стр. 16.) Фишер упоминает об орлиных перьях, как составной части албана, взимаемого чжунгарами: «Контайша... в 1841 г. (на барабинцев) наложил несносную дань, ибо с каждой семьи требовал... и по несколько орлиных перьев на опушку стрел»; в рапорте 1745 г. доносится: «А того де алману платят они повсягодно с каждого человека по одной лисице, а буде лисицы нет, по одному речному бобрю или по полкожи красных, а буде и того не имеется, то по 20 стрел без перьев и к ним для опушки по 5 крылов орлиных». (Потанин. Материалы для истории Сибири, стр. 64, и Сибирская история, СПб., 1774, стр. 441; ср. также Томские губ. вед., 1859, № 13); ср. легенды сагайцев. — Катанов, ук. соч., стр. 581, 585.

qarǵa — букв. ворона, тотемное название рода. Род Карга живет в основном в Усть-Анзасском сельсовете по реке Мрассу и ее притоку Анзас. Карга является одновременно и названием рода и названием территории, им занимаемой, и названием волости. Волости, образованные при административном делении Кузнецкого округа, в большинстве своем совпадали с родовыми делениями (к волости приписывался род со своим паштыком или, реже, часть рода). Были волости, состоящие из двух родов, и волости, образованные из частей родов. См. у Адрианова: «Некоторые волости совпали с родовым делением... Другие волости раздробили поколения инородцев и составились из частей нескольких родов». (Кузнецкий край. Живописн. Россия, XI, 294; Путеш. 1881 г., стр. 336.) «Все черневые волости Кузнецкого округа, — пишет Вербицкий, — носят два названия, официальное и народное, напр. Итиберско-Шерогашевская — Каларская (род Калар), Карачерская-Шорская (род Кара-шор), Мрасско-Изушерская — Таяжская или Тажаская (род Талиш)». (Зап. за 1862 г. Прав. обозр., 1863, стр. 149, 157 и др.). Соп (на р. Мрассу, на р. Кондоме — qalan) — волость управлялась паштыком. Дела соп'а (выборы паштыка и есаулов, споры и тяжбы, раскладка ясака и т. д.) решались на собраниях соп'а (čylyg), устраиваемом летом (июль), на котором присутствовали лишь мужчины, члены рода или родов, входящих в состав соп'а. (О собраниях соп'а по поводу сбора ясака см. Адрианов, Путеш., 1881 г., стр. 337; Вербицкий, Записки миссионера за 1867 г., стр. 9.) Принадлежность к соп'у определялась не местожительством лица, а принадлежностью к роду, входящему в состав соп'а (подчинением паштыку). Соп'ы существовали до 1912 года и были

заменены волостными управлениями, которые объединяли несколько прежних родовых соп'ов.

sajuŋ qaŋaŋu polup čada, bergenner — букв. став водяными Карга, жить стали.

Три брата на три стороны расселились — в этой легенде отражен процесс почкования и деления родов.

Текст 87

(Род Карга, р. Тёб, Хакасс. авт. обл.)

См. подобные легенды у абаканских тюрков (Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Зап. по отд. этнографии РГО, 1909, XXXIV).

Текст 88

(Род Кобый, ул. Анджул, Хакасс. авт. обл.)

ordo taŋdaŋ šyqtylar — вышли из горы Ордо. По шорским легендам, предки некоторых родов произошли от гор. В некоторых легендах говорится, что эти предки росли в медных колыбелях, находящихся в горах. В этой связи интересно отметить, что многие шорские предания описывают смерть родовых предков и знаменитых богатырей как уход в горы.

Текст 89

(Род Кызай, ул. Усть-Кобыреу, верховье р. Мрассу)

Ałabej — по одним рассказам был предком рода Кобый, по другим — предком рода Кызай.

qaltaŋ — плёс на р. Мрассу ниже ул. Сага.

tebir qujaq — железный панцырь, кольчуга. Как в легендах, так и в героическом эпосе, постоянно упоминается tebir qujaq. О куяках же говорится и во многих исторических памятниках XVII и XVIII вв. Так, томские казаки в 1700 г. сообщали начальству: «Араптана контайши люди, киргизы, телеуты, черные калмыки нападают на Томский уезд человек тысячи по 3 и болши и менши с ружьем, с пицалми, с копыи и с сайдаки и с сабли, в пансырях и куяках и иных воинских доспехах» (Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. V, 1882, стр. 2). О том, что коренное население северного Алтая умело выделывать оружие из железа и являлось поставщиком этого оружия, имеется ряд указаний. Еще на рубеже XVI—XVII вв. (1604 г.) томский князец указывал московскому царю на то, что «в Томской вершине живут 200 человек кузнецов, а делают доспехи и железа стрельные и котлы выковывают» (Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. III, стр. 214). Кузнецкие люди были при-

нуждены снабжать киргизов и калмыков некоторыми видами оружия, в том числе и куяками. Так, в акте от 1714 г. говорится: «В прошлом в 1713 г. во всех ясажных волостях с ясажных татар велел он Манзу готовить на контайшу алман всякому человеку по 30 полиц куяжных да по 30 стрельных железков, по 2 горшка железных по наковалну, по 2 молота, да по клещам» (Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 319). Русское правительство прекрасно учитывало всю опасность такого снабжения, с другой стороны оно не прочь было само воспользоваться подобного рода оружием. Из Кузнецкого острога сообщали начальству: «Колмацкие люди опричь кузнецкие земли никакого оружия купити не добыть негде» (Сборник Хилкова, стр. 192). А в наказе воеводе Евдокиму Баскакову 1662 г. предписывалось: «Кузнецких и ясажных людей всех привести под государеву царскую руку и ясак имати на государя соболями и всякую мягкую рухлядь, и шеломами и рогатинами и саблями, кому чем мочно ясак государю давать; а колмацким бы людям отнюдь ясаку давать не велеть и с колмацкими людьми торговати им опричь соболей, железом, шеломами и панцырями и рогатинами и саблями не велети» (Сборник Хилкова, стр. 194).

ałabej iŋgi tyŋaŋu ŋaŋyštŋnda, ottuŋ ŋaŋu ŋuŋu odurŋan. Интересно, что получение огня связано с предком. Этот мотив несомненно генетически связан с легендой о получении огня от птицы (см. № 54, 55), вероятно, тотемного предка. Между прочим, роды Кызай и Кобый приписывали своему предку и появление ячменя. В одной из легенд рода Кобый по этому поводу говорится, что у их предка Тебир Кириш'а (букв. 'железная тетива') из пуа вырос колос ячменя и отсюда их род впервые получил зерно. Легенды также рассказывают о том, как люди родов Кызай и Кобый дали своим соседям (живущим выше по течению р. Мрассы) зерна ячменя и научили их высекать огонь. До того люди Кый питались сараной, кандыком и сырым мясом диких животных.

Текст 90

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Другой вариант этой легенды записан у рода Кобый, төл'я Шулабаевых, в верховье р. Кобыреу.

šulbaj — с именем Шулбая связана фамилия төл'я Шулабаевых, принадлежащих к роду Кобый.

uqanarda ~ uqannarda.

šenerinde ~ šennerinde.

kelgenerin ~ kelgennerin.

perebis ~ pererbis.

paŋuŋaŋuŋ etteriŋni syrtŋaŋuŋa ałandyra šabarym — буду бить, сворачивая мясо с вашей печени на ваши спины. См. о жестокости, которую проявляли киргизы и калмыки при сборе дани, следующие места в донесе-

ниях XVIII в.: «В прошлом в 1713 году контайшнина владения князец Манзу с калмыками в порубежные и подгородные волости для сбора алмана на контайшу приезжал... ясачным людям (шорам) угрожали: буде вышеупомянутого алману всего не изготовят и за что их ясачных хотели перевешать и хлебы их пожечь и о том в Кузнецку от них ясачных пноземцев есть многие избиты, а именно кондомских 3 человека» (Памятники сибирской истории XVII в., кн. II, стр. 319).

kelgebiste ~ kelgenbiste.

alʹyabys ~ alʹganbys ~ alʹyanmys.

undutpasym ~ undutpassym.

čoqtaḡ šabarʹa || soʹarʹa (от čoqta) — ловить рыбу, перегораживать реку во время хода рыбы. Ср. baluq soqtarʹa — рыба идет по реке (Вербицкий, Словарь, стр. 431: чоқтаг — рыболовная морда, чоқта — против воды следовать, идти кверху по реке, чоқта — стадо, руно мелкой рыбы). В легендах часто упоминается о том, как богатыри делают «заездки для рыбной ловли в извилинах реки». (Вербицкий, Зап. за 1862 г., Прав. обзор., 1863, стр. 157).

alam ~ alarym.

töl — подразделение рода, большая патриархальная семья, фамилия.

Род состоял из нескольких төл'ей; так, напр., одним из төл'ей рода Кобыль были Шульбаевы. Төл охватывал группу сородичей (старший в төл'е, его сыновья, и сыновья сыновей), которая жила в одном месте и вела общее хозяйство. — «Обыкновенно селятся улусом, т. е. по несколько семей в одном месте родственников или близких людей из одного рода» (Адрианов, 1881 г. стр. 326; см. у Вербицкого: «Санабай живет со своими сыновьями патриархально в 4-х юртах при р. Паспачак», Зап. за 1866 г., стр. 168; у него же упоминание об аиле Якуша, где жил он сам и три его брата с семьями на р. Мундыбашеве, Зап. за 1862 г., стр. 149; у Адрианова упоминание об аиле Сатлая, состоящем из 4 юрт, где жили его родичи. Путеш., стр. 182). Төл имел свои охотничьи угодья в родовой тайге, и мужчины, члены төл'я, обычно вместе промышляли. Добытая пушнина шла на общий доход, мясо зверей составляло общий запас. Значительно позднее часть добытой пушнины стала поступать в собственность женатых сыновей, и только неженатые сыновья отдавали свою добычу отцу. Члены төл'я, мужчины, женщины и дети, совместно обрабатывали землю. Полученный урожай первоначально делили между отдельными семьями төл'я; позже каждый женатый член төл'я стал пользоваться отдельным участком для посева (см. у Радлова: «Каждому женатому сыну дается участок земли для посева ячменя, которым и питается семья, но зато отец берет себе все доходы сына от охоты и проч.», Aus Sibirien, стр. 357; также у Вербицкого: «Несмотря на то, что женатые члены семейства живут каждый в своей юрте, каждый располагает своею полосой, засеянной ячменем, для насущного пропитания, но только в этом он и полновластен, прочие же доходы от промысла и другие все отдаются главе семьи». Зап. за

1864 г., Прав. обзор., 1865, стр. 155). Управлял старший, который, при участии всех членов, делил доходы, раздавал собранный урожай, позднее — наделял участками земли, выделял женатых и т. д. Женатые сыновья жили отдельно. Каждому женившемуся ставили сообща отдельную юрту. (См. у Вербицкого: «Юрта, которую жених, по неизменному обычаю, для сожительства с молодою женою должен выстроить новую, стоит еще без чужа. Работа кипит в руках молодежи: кто носит глину в берестяных корзинках, кто убивает ее, скоро и чужал — заключение юрты — поспел», Зап. за 1864 г., Прав. обзор., 1865, стр. 154; «Обыкновенно женившемуся сыну сейчас же отводится новая юрта», Зап. за 1862 г., стр. 158.) Төл в героическом эпосе встречается в следующих значениях: 1. потомство, напр.: aq qannuḡ tölüneḡ alʹp čajal öskeni par-ba; čaš köök slerdin tölge čaračaq kiži; kümüş qan adaḡ tölü polʹan-ma; mēḡ tölümneḡ töl šyqpadu, alʹtyn qannuḡ tölüneḡ töl šyqty, tep uḡur keldim; 2. потомок, напр.: aq qannuḡ tölü olaʹaš tup aldy; qajdiḡ alʹyutyn tölü poldu-ne; kök qannuḡ töl čajalʹp po čerge kēlča; 3. поколение, колено (отца, сына и его сына), напр.: üš tölge šyʹara čügürzebis, tappassybys; alʹty tölge šyʹara čattyrlar, alʹty tölge šyʹara čadyr, pala čoq polʹan; üš tölden ertize, üš tölden saptyra čaʹap, aq qan čurtaʹpča; aq qannuḡ čerinen paryannaḡ ala ijgi tölge čedip pardym; amdyʹyynuḡ töldün alʹynda polča, puruḡu töldün sonda polča.

Текст 91

(Этот текст является заявлением, поданным в 1925 г. некоторыми жителями улуса Карчит, род Карга, Усть-Анзасского сельсовета на имя Комитета Севера. Улус Карчит был одним из самых глухих пунктов района.)

kelgebiste || kelgenbiste || kelgenmiste; ср. alʹyabys.

alam || alarym.

ürgetsiner || ürgetsinner.

čatqan alʹ — живущий улус.

pinabat — от русского слова виноват.

qam mikerdi čirča — шаман Микера ест. По господствовавшим некогда представлениям, шаман, если рассердится на кого-нибудь, может его съесть, т. е. насладиться духом, который и съедает человека. Шаманы всячески старались поддерживать в населении веру в эту их силу, что было им крайне выгодно. Шаману боялись в чем-либо отказать и избегали ссоры с ним.

Текст 92

(Род Карга, ул. Верхн. Анзас, р. Анзас)

ijgi čylytʹyzaq šyʹur alʹp — две звездочки выйдя.

Это выражение основано на том представлении, что душа во время сна отделяется от тела и отправляется странствовать. Ср. легенды абаканских тюрков, где душа выходит из человека в виде двух маленьких свечек (Катанов, Образцы, т. IX).

Текст 93

(Род Карга, ул. Карчит, р. Анзас)

kızı çatpāncatqan eski ömner — старые дома, в которых не живут люди. Шорцы часто бросали юрты после смерти кого-нибудь из членов семьи. ot köjca — огонь горит. Огни, которые будто бы видят на заброшенных стойбищах, называют üzüt odu — огонь юзюта. Полагали, что места брошенных юрт посещаются юзютами, т. е. душами умерших, а также айна, т. е. злыми духам, съевшими эти души.

Текст 94

(Род Карга, р. Анзас ул. Карчит),

Текст 95

(Род Карга, р. Анзас ул. Карчит)

sürünezi ~ süne ~ sünezi — одна из душ человека. Ср. sür — образ, изображение, привидение (Вербницкий, Словарь, 314, 313). Представления шорцев о душе, смерти и жизни души в загробном мире очень сходны с представлениями их соседей, алтайских и абаканских тюрков. См. С. Майнагашев, Представление о загробном мире у турецких племен Минусинского края. Живая старина 1915; А. В. Анохин, Душа и ее свойства по представлению телеут. Сб. МАЭ, VIII, 1929; С. Е. Малов, Несколько замечаний к статье Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеут». Сб. МАЭ, VIII, 1929.

Текст 96

(Низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

Erlük şeri — подземный мир, куда отправляются души умерших.

Причину болезни шорцы объясняли либо уходом на время души, либо вселением злого духа. В тех случаях, когда причиной заболевания, по определению шамана, был уход души, непременно требовался шаман, который должен был предпринять во время обряда камлания далекое и опасное путешествие в мир айна и, с риском для жизни, отнять похищенную ими душу. Если шаман не подоспеет во-время, душа остается у айна, и человек умирает.

Erlük — злое божество, властелин подземного мира (Анохин. Материалы, стр. 1—8).

Текст 97

(Род Карга, ул. Анзас, р. Анзас)

qan şul — кровь-река, кровавая река, река крови.

şaş şul — слезы-река, река слез. Ср. сагайское şul — река (Радлов, Словарь, III, 2175), шорское şulat. Ср. также в героическом эпосе: «слезы глаз, став рекой, текут», «слезы глаз озером стали», «пролившаяся кровь рекой становится».

рага — рыболовный рукав, сплетенный из ипток. Осенью на маленьких речках устраивают городьбу углом. В вершину угла и ставят рага.

raıuq aıparşalaq — ловят рыбу. По существовавшим представлениям, души умерших людей в загробном мире продолжают жизнь, подобную их земной жизни: они охотятся, ловят рыбу, пьют водку, ходят в гости друг к другу и т. д.

aılastarşa — от слова aılas, возглас при окурировании больного огнем, а также при очищении огнем посуды, при окурировании шаманского бубна перед камланием и т. д.

maıtuıyanaı || maıtuıyannaı.

Текст 98

(Низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

aparaıa || aparaıaı.

qatyşpasuı ~ qattyspassuı.

pārda ~ pararda.

Текст 99

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 100

(Род Карга, р. Анзас, ул. Анзас)

ozoıat — осока (*Heimerocallis flava*), которую высушивают и запасают на зиму специально для того, чтобы вкладывать в чирки; заменяет онучи.

Текст 101

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

В связи с представлением о необходимости переправы души через рр. Чашчул и Канчул и через море юзютов существовал обычай изготовления для души плота. Еще недавно, в 1925 г., можно было наблюдать по ночам плавно плывущие, тихо покачивающиеся огоньки на р. Мрассу — огни юзютов. То были плоты, на которых сородичи отправляли души

своих умерших родственников в последний путь. Отправлять их надо поздно вечером, когда в улузах перестанут лаять собаки, так как лай собак может спугнуть души. Плот делался из дудок борщевника.

Текст 102

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу)

Обычай погребения на деревьях отмечен как у шорцев, так и у других алтайских и абаканских тюрков. См. С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, т. I, стр. 80—81. На этот обычай в свое время указывали и миссионеры. См. Записки миссионера Вербицкого за 1863 г. Православное обозрение за 1864 г., стр. 152; Записки миссионера Штыгашева. Отчет Алтайской духовной миссии за 1899 г., стр. 16. Пережитки погребения на деревьях сохранялись еще до 1925 г. В глухих районах хоронили умерших детей, особенно преждевременно родившихся, на деревьях, в деревянных срубках или завернутыми в бересту. Места таких погребений тщательно скрывались. Воспоминания о погребении на деревьях сохранились также в героическом эпосе.

Тексты 103—109

Обращения к духам или моления духам составляли в старину неотъемлемую часть того или другого промысла. Эти обращения к различного рода духам-хозяевам были крайне несложны. Они состояли из непосредственной просьбы о ниспослании удачи на промыслах, здоровья и т. д. представляли обычно импровизацию. Словесная формула была тесно связана с ритуальным действием, была неотделима от обряда. См., напр., обращение к убиному медведю во время оплакивания его (текст 106). Каждый из участников промысла мог обращаться с молитвой к хозяину воды или горы (почитаемые горы были обычно родовыми промысловыми территориями). Но были и такие, которые считались более искусными в этом деле. Сюда относятся прежде всего, те, которые способны были впадать в экстаз; их молитве придавалось особое значение, а жертва, приносимая ими, считалась угодной духу. На родовых молениях хозяевам гор рек — *šačyŋ* — выполнял обряд и совершал моление кто-либо из старших членов рода, старик, хорошо знающий ритуал; только позднее, и то не обязательно, обряд *šačyŋ* совершал шаман (текст 104). При лечении болезней кто-либо из знающих стариков или старух совершал обряд изгнания юзюта, произнося заклинания *aŋu tuŋa* (тексты 107 и 108). Но обращение к высшим духам, к духам небесного и подземного мира, являлось функцией уже специалистов-шаманов. Только они, с помощью своих духов, могли совершать легкие и трудные путешествия в невидимые миры и только они знали важный ритуал обращения с высшими духами. Они обращались с молитвами также к своим духам, своим покровителям и помощникам (текст 109). Каждый

шаман имел свои молитвы и свои напевы. Шаманские молитвы обычно никто не знал и мало кто понимал. Эти молитвы — основу их — шаман получал от своих предков-шаманов, обычно от того шамана, от которого наследственно к нему перешел шаманский дар, а вместе с ним родовые шаманские духи. Но шаман усложнял эти моления, главным образом, обращениями к своим личным духам. Эти шаманские заклинания произносились во время камлания в экстазе. Отсюда их отрывистость, запутанность и сложность.

Текст 103

(Род Кобый, р. Кобырсу)

til alyš — букв. язык смешивая, беря друг у друга.

azyq pölür per — букв. запас разделив дай. *azyq* — охотничий запас — в значении добычи.

Текст 104

(Род Таяш, р. Пызас)

Это родовое моление горам и водам (*taŋlaŋa suŋlaŋa*) носило название *šačyŋ* (*šačyŋ*) — букв. кропление (от *šaš ~ šac ~ šač* — разбрасывать, кропить, брызгать, рассыпать, делать возлияния). Устраивали моления члены одного рода, позднее — целый улус (в южн. части то и другое обычно совпадало). В жертву приносили абыртки. Необходимые для жертвоприношения продукты давались от каждой семьи. Все собранное, соединенное вместе, шло в жертву родовым горам, остатки выпивались по окончании моления всеми присутствующими. Женщины, как чужеродки (принцип экзогамии очень долго сохранялся), или совершенно исключались из моления или присутствовали, но должны были стоять поодаль. См. об этом жертвоприношении у Вербицкого: «Алтаец язычник этим горным духам кланяется и приносит жертвы и устраивает празднество весенний шачы» (Мирозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен. Лит. сб. 1885 г., стр. 39). «По вскрытию реки Кондомы кузнецкие инородцы праздновали праздник березы: наварили браги, нарядились в лучшие одежды, собрались каждый улус у одной своей заветной березы, навешали на ветви ее тряпки различных цветов и конский волос. Один из толпы, сведующий, брызгал несколько раз на березу, призывая демонов» (Вскрытие р. Кондомы. Томские губ. вед., 1859, № 30, ч. неофич., стр. 243; также: Выписка из журнала мисс. за 1859 г. Христ. чтение, 1862, № 4, стр. 846) и у С. Е. Малова: «Весной бывает у кузнецких инородцев почти в каждой деревне особое моление, называемое шашы или чачы, т. е. кропление» (Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губ., Живая старина, 1909, вып. 2—3, стр. 40).

šöök — возглас во время жертвоприношения.

Ulug, tağ, enebis. У каждого рода была своя родовая гора, которой он приносил жертвы и у которой выпрашивал удачу на промысле.

raǰ qazuǰ ср. алт. raǰ qajuǰ — богатая, развесистая береза. Этот образ очень часто встречается в мифологии алтайских и абаканских тюрков. Род имел свою березу — raǰ qazuǰ, с которой связывались жизнь и благоденствие членов этого рода.

čyǰ raǰy ajlandy. — Началом нового года считалась весна.

tazyǰlyǰ — имеющий корень (om tazyǰ — корень).

altyn kōk. — Кукушка играет большую роль в мифологии и в фольклоре шорцев. С первым криком кукушки просыпаются леса, горы и реки. Весной, после крика кукушки, шаман совершал первое восхождение к Ульгеню. В героическом эпосе часто встречается среди названий героинь имя altyn kōk — золотая кукушка.

Текст 105

(Род Тарткын, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

от ene или от iče. Хозяин огня мыслился в женском образе. К его помощи обращались во всех случаях жизни; охотники приносили жертву огню перед отправлением на промысел, при неудачах в тайге и после удачной добычи. Шаман перед отправлением в свои далекие путешествия во время камлания прежде всего обращался за помощью к хозяйцу огня. Женщины звали к нему о защите их детей. Прежде старики от каждой еды обязательно уделяли долю своему очагу. См. подробно о культе огня у алтайцев: Н. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеутов. Сб. МАЭ, 1927, т. VI, стр. 63, у монголов: Н. Н. Поппе. Пережитки культа огня в монгольском языке. Доклады Акад. Наук, серия В, 1925, стр. 14.

tağ aǰyга sūǰ — гоним злого духа, караулящего ребенка, чтобы напасть на него.

Текст 106

(Род Кобый, р. Кобырсу)

Обращение к медведю во время совершения обряда оплакивания зверя.

Текст 107

(Род Калар, низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

üzüt — душа умершего человека, название злого духа вообще. Юзют, существовавшим некогда представлениям, приходит к жилищам своих родственников, стучит и пугает их; он может даже входить в человека. Обычно он входит в какого-либо родственника, который после этого сразу же заболевает. Для излечения больного совершался обряд изгнания юзюта — üzüt uǰar. Знающий обряд человек, обычно старик или старуха, окуривал больного произносив обращение к юзюту, стараясь его запугать. Особенно важно

было при этом узнать имя юзюта. Считалось, что знание имени юзюта дает заклинателю силу над духом; вот почему совершавший обряд перечислял по очереди всех недавно умерших родственников больного, стараясь открыть виновника болезни.

Текст 108

(Род Карга, р. Анзас, ул. Карчит)

arapas — от русского Афанасий.

Текст 109

(Род Тарткын, низовье р. Мрассу, ул. Усть-Мрассу)

Призывание шаманом своих духов во время камлания.

qara šoǰma — букв. черная утка, дух-помощник шамана.

syǰ čyǰan — букв. окрашенная змея.

raǰ raǰa — букв. богатая лягушка, один из главных духов-помощников шамана. Обычно изображался на шаманском бубне, внизу.

tyn ruǰtaǰy ~ ruǰtaǰy — душа-лось || конь. См. С. Е. Малов, Несколько замечаний к статье А. В. Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов», Сб. МАЭ, 1929, VIII, стр. 330.

Отрывистость, запутанность, желание запугать характерны для большинства шаманских заклинаний. Удары в бубен, хриплые гортанные завывающие звуки шаманского пения, чередующиеся с подражаниями голосам духов, с которыми ведет «переговоры» шаман, все это имело целью воздействовать на воображение слушателей, а главное застрашить их.

Некоторые переставшие камлать шаманы рассказывают сказки, стали qajǰy. Такие сказители-шаманы представляют себе это рассказывание на манер шаманского камлания. Особенно любопытно отношение такого сказочника к своему комысу, тождественное отношению шамана к своему бубну. Бывший шаман Ачибаев рода Тарткын в улусе Сыркаш говорил: «men nybaq yscadyp, pir qara pir kün oduraym. ödurčät, pir-dä nebe čibessim, tapqy teze tartarym. men tur parbassym. qačen men erbekterčam, men mynda polbānčam, men nybaq-pa pirge pašqa-pašqa čerge parybysčam. qomus čoqta men eštenmēnčam, parčynda qomuzum pelen čätča. qačen men ölzem, qomuzum mēn-me pirqoq parar. qačen ölzem, qomuzum čyǰanymča saǰarǰar. — Когда я сказку рассказываю, то я рассказываю ее и день и ночь. Когда я сплужу и рассказываю сказку, я ничего не ем, табак курю. (Рассказывая) я не устаю. Когда я говорю (сказку), я не здесь нахожусь, я со своей сказкой вместе в разные-разные земли отправляюсь. Когда нет комыса, я скучаю. Всегда комыс наготове у меня лежит. Когда я умру, мой комыс вместе со мной пойдет (в другой мир). Когда я умру, мой комыс со мной в гроб положат».

Тексты 110—111

(Низовые и верховые р. Мрассу и верховые р. Томи)

№ 110/1 kemñiñ mułtuq... — в этих словах ярко отражена эксплуатация бедняков шорцев, лишенных основных орудий производства, богачами. Ср. у Вербицкого: «Бедняк шорец улуса Кузедеевского Михайл пришел ко мне испросить благословения на добычу зверя. Он и товарищ его, расставляя ловушки для белок, заметили берлогу медведи. Бедняки рады были бы вступить в борьбу со зверем без посторонней помощи: Ясак и хлеб был бы обеспечен; но у обоих их было только одно ружье и то попорченное. Делать нечего; пришлось позвать к себе в товарищи, с правом на равный дележ, а сами пошли с одними топорами указывать берлогу. При этом случае Михайл заметил: „Вот так то все от нас к богатым переходит.“ — Зато бедным умирать легче, — заметил я ему». (Зап. за 1861 г., стр. 1—2).

№ 110/2 kem raj... «кто богат, тот и начальник». Непосредственными начальниками шорцев были их паштыки, которые из родовых представителей, свободно выбравшихся всем родом, защищавших интересы своего рода, для которых их служба была служением своим сородичам, превратились в эксплуататоров, которые добивались своего избрания, используя для этого связи, подкуп, запугивание и т. д., и которые свою службу рассматривали как средство собственного обогащения. Выбирали паштыка преимущественно из богатых «уважаемых» тóлe'й, если же выбираемый был недостаточно богат, то он наживался во время службы. См. у Адрианова: «В башлыки (паштыки) попадают большей частью такие лица, которые покупают заседателя ежегодными взятками. Будучи ненавистны инородцам, они крепко сидят на своих местах, обирают и ограбляют своего же брата инородца, издеваются над ним, пьянствуют и становятся недоступными» (Путеш. 1881 г., стр. 351).

№ 110/3 pij-bile šaılaıaıa — кто противится начальнику, остается без ушей. Начальники — pij всех рангов одинаково бесцеремонно и безнаказанно хозяйничали в тайге. «Самоуправление выродилось в эксплуатацию народа их начальниками волостными, которые преданы повальному пьянству, бьют инородцев, вместо разбирательства дела, обирают и разоряют их взятками и вообще никакими делами волости не занимаются; эти волостные начальники становятся изволь волости и всеильными царьками, на которых нет ни суда ни управы, так как они поддерживаются заседателями и исправниками, получающими с них исправно взятки... Вместе с писарем вводится еще один лишний хлицник, притом грамотный, и стало быть более опасный... Уж если вся эта мелкота так озорничает в тайге и обирает инородца, то что же сказать о „сибирских“ заседателях, исправниках? Эти являются в тайгу восточными падишахами с правом жизни или смерти над инородцем. Заседатель ежегодно объезжает тайгу для сбора денег с инородцев; кроме того, он находит массу разных прищенок, чтоб содрать взятку, ставит на

ноги всю тайгу, останавливает все работы и проносится опустошительным ураганом, которого инородцы трепещут» (Адрианов. Путеш. 1881 г., стр. 336, 351).

№ 110/16 вариант:

qujbyrzañ, quñ aıarzuñ,
odyrzañ ojda aıarzuñ.

№ 110/15 вариант:

šaışı atqa pir qamşı,
šaıal atqa muñ qamşı;
šaışı kiže pir sös,
šaıal kiže muñ sös —

хорошему коню одна плеть,
худому коню тысяча плетей,
хорошему человеку одно слово,
скверному человеку тысяча слов.

Текст 112

(Род Карга, ул. Акколь, низовые р. Мрассу)

aq raıat — белый Бачат. Малый и большой Бачат — реки, по которым живут телеуты. Эпитет белый, чистый, указывает, что в данном случае имеется в виду степь. Ср. qara şuş — черная тайга.

Текст 113

(Род Шор, ул. Березовая грива, переселенцы с р. Кондомы)

Текст 114

(Низовые р. Мрассу, ул. Акколь)

Тексты 115—117

(Низовые р. Мрассу, ул. Себирги)

Тексты 118—119

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Текст 120

(Род Челей, ул. Корай, верховые р. Томи)

Текст 121

(Род Четибер, ул. Сыркаш, верховье р. Томп.

Второй вариант — ул. Корай, верховье р. Томи)

Тексты 122—129

(Род Челей, ул. Сыркаш, верховье р. Томи)

Другой вариант:

qumaqqa ösken xuba tal
qubarbaçañ polza-çe!
sasqa ösken saryğ tal
sarğarbaçañ polza-çe!
qajran çağşy pozybys
qunanmaçañ-da polzabys!

На песке выросший бледный тал
Не засыхающим если бы был!
На болоте выросший желтый тал
Не желтеющим если бы он был!
Любимые, хорошие мы сами
Если бы нетоскующими были!

Тексты 130—131

(Род Шор, верховье р. Кондомы)

Текст 132

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Тексты 133—134

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Текст 135

(Род Шор, ул. Березовая грива)

Текст 136

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

quzajlar — члены рода Кызай (или Кызыл кая), расселенного в основном в районе впадения в р. Мрассу рр. Пызас и Кобырсу.

Текст 137

(Низовье р. Мрассу, ул. Чувашка)

Текст 138

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Второй вариант, записанный у рода Челей, ул. Сыркаш, верховье р. Томи:
kökke ösken kök çaçik közänek alynça össe-çe, men kölengen qysçağış qol-
ğayında polza-çe!

Тексты 139—144

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

kessen || kesçen.

Текст 145

(Род Челей, ул. Корай, верховье р. Томи)

kizi || kiži; чередование z || ž, s || š отмечается в говоре шорцев верховья р. Томи.

Текст 146

(Род Кызай, ул. Усть-Кобырсу, верховье р. Мрассу)

Текст 147

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

Текст 148

(Род Четибер, низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

Текст 149

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь, вариант к № 148)

Текст 150

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 151

(Низовье р. Мрассу, ул. Сибирга)

Другой вариант:

synça ösken qarajajdyñ,
syn ožəga çyltys ösça,
çoqtañ tuğan palardyñ,
çer ebəre arğyş ösça.

Текст 152

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Текст 153

(Род Шор, Березовая грива)

Текст 154

(Низовье р. Мрассу, ул. Мыски)

Тексты 155—156

(Низовье р. Мрассу, ул. Акколь)

Вариант: quşqu künde şaîk öspes — в зимний день цветок не зацветет.

Текст 157

(Низовье р. Мрассу, ул. Томазак)

Отдельные новые песни или варианты были напечатаны в местной газете и различных учебниках.

Тесная и глубокая связь между народными массами и вышедшими из их недр поэтами и певцами обусловила то, что сплошь и рядом бывает трудно провести грань между творчеством народа и отдельных его певцов, являющихся подлинными выразителями его дум и чувств. Создаваемые поэтами новые песни быстро входят в песенный репертуар народа и получают широкое распространение; с другой стороны, народные мотивы, все время обогащая индивидуальное творчество поэтов, придают ему характер коллективного общенародного творчества. «Народное творчество — это сама жизнь, это умонастроения и чувства миллионов людей. Народные поэты, сказители, музыканты слагают стихи, песни, рассказы, частушки. Их творческие работы идут в глубину народных масс, обогащаясь и видоизменяясь, приобретая черты коллективного авторства, становясь выражением народных дум и чувств» («Правда», 9 сент. 1937 г. № 249).

ТРАНСКРИПЦИЯ

- а — широкий, открытый гласный заднего ряда, соответствующий нормальному ударенному а русского языка.
- ä — несколько редуцированный гласный, склоняющийся к у.
- ä — слегка палатализованный а.
- е — передний гласный, средний по степени открытости — в I слоге; в ударенных непервых слогах более открытый (ε).
- ë — гласный более узкий (закрытый), чем е, средний между е и i.
- о — среднеоткрытый лабиализованный гласный заднего ряда.
- ö — лабиализованный гласный переднего ряда средней степени закрытости.
- о — гласный, средний между и и о
- ö — гласный, средний между ö и ü.
- у — узкий закрытый не лабиализованный гласный заднего ряда.
- ı — узкий закрытый не лабиализованный гласный, задний в переднем ряду.
- i — узкий закрытый не лабиализованный гласный, передний в переднем ряду.
- и — лабиализованный узкий закрытый гласный заднего ряда, более задний, чем русское у.
- ü — лабиализованный узкий гласный переднего ряда.
- ə — редуцированный гласный.
- j — неслоговое i (в конце слов).
- ʃ — боковой альвеолярный проточный задний.
- l — боковой альвеолярный проточный передний.
- ɾ — переднеязычный альвеолярный дрожащий проточный.
- n — заднеязычный носовой.
- ɲ — заднеязычный носовой смычный.
- m — губогубной носовой звонкий смычный.
- p — губогубной сильный смычный (глухой).
- b — губогубной слабый звонкий.
- β — губогубной слабый глухой.
- β — губогубной с неполной смычкой (вариант b).

- t — сильный переднеязычный смычный (глухой).
d — слабый переднеязычный смычный (звонкий).
d̥ — слабый глухой переднеязычный смычный.
s — глухой переднеязычный проточный.
z — переднеязычный звонкий проточный.
ʃ — переднеязычный глухой шипящий альвеолярный проточный.
ʒ — переднеязычный звонкий шипящий альвеолярный проточный.
q — веларно-заднеязычный сильный смычный.
k — заднеязычный сильный смычный, менее задний, чем q.
g — заднеязычный звонкий слабый смычный.
g̊ — полуглухой (media lenis) смычный.
ŋ — веларно-заднеязычный слабый звонкий смычный.
ŋ̊ — полуглухой вариант ŋ.
ɣ — веларно-заднеязычный звонкий проточный.
ɣ̊ — полуглухой вариант ɣ.
x — заднеязычный звонкий проточный, менее задний, чем ɣ̊.
χ — заднеязычный проточный звонкий, несколько более задний, чем ɣ̊.
Знаком — над буквой передается долгота гласного.
Знаком ˘ над буквой передается краткость гласного.
Знаком ˙ под буквой передается оглушение согласного.
Знаком ˙ под буквой передается озвончение согласного.

В некоторых текстах (напр. №№ 9, 14), в целях упрощения записи —
знаком ɣ обозначается как ɣ, так и g, знаком ɣ̊ обозначается как g,
так и g̊.